

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт психологии
Кафедра общей психологии и конфликтологии

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПОДРОСТКОВ В СИТУАЦИИ КИБЕРБУЛЛИНГА**

Направление подготовки 44.04.02 Психолого-педагогическое образование.

Веб-психология и психологическое консультирование в цифровой среде

Выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой Р.А. Валиев
« ____ » _____ 2024 г.

подпись

Исполнитель:
Новик Анастасия Леонидовна,
обучающийся ВЕБ–2241з группы

подпись

Руководитель:
Воробьева Ирина Владимировна,
кандидат психологических наук,
доцент, доцент кафедры общей
психологии и конфликтологии

подпись

Екатеринбург 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБУЛЛИНГА И РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	8
1.1 Понятие и виды кибербуллинга	8
1.2. Социально–психологические факторы ролевого поведения	20
1.3. Психологические последствия кибербуллинга для личности подростка.	31
Выводы первой главы	37
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ КИБЕРБУЛЛИНГА	40
2.1. Организация проведения исследования.....	40
2.2 Методы и методики исследования	41
2.3. Результаты исследования	48
2.3.1 Результаты описательной статистики	48
2.3.2 Результаты сравнительного анализа.....	53
2.3.3 Результаты регрессионного анализа.....	57
Выводы второй главы	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
Список источников и литературы	78
Приложения	86

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире проблема психологического благополучия индивида становится наиболее приоритетной проблемой, требующей решение перед различными институтами как на уровне сообщества и отдельного государства, так и на уровне мирового общества. В первую очередь ее разрешение приведет к психологической устойчивости индивида, к его психологическому развитию и, как следствие, развитию социальных навыков, демонстрирующих устойчивое функционирование в обществе в первую очередь на уровне эффективной коммуникации между индивидами. Кроме этого, будет обеспечена безопасность на уровне личности и на уровне группы определенного общества. Но мы часто наблюдаем неэффективные социальные коммуникации, более того все чаще социальное взаимодействие несет негативный деструктивный характер: дискриминация, экстремизм, социальная изоляция, физическое и вербальное насилие, терроризм, буллинг, кибербуллинг и другие явления, которые наносят серьезный ущерб психическому и эмоциональному состоянию как отдельных личностей, так и целых сообществ, подрывая основы социальной гармонии и стабильности.

Современная психология все больше погружается в изучение явления «кибербуллинг», который представляет собой серьезную проблему, касающуюся психологического здоровья и социального формирования индивида. Это явление включает в себя использование информационных и коммуникационных технологий для агрессивного поведения, что делает его особенно актуальным в условиях растущей цифровизации общества. Все больше появляется исследований, направленных на изучение отдельных форм кибербуллинга, таких как флейминг (А.В. Бабук, Т.А. Воронцова, А. В. Моисеева А. С. Титлова, П. К. Ли, Д.Л. Тейлор), хейтинг и троллинг в социальных сетях (А. О. Мозговая, М. Салкудин, Ф. А. Вудс и Ж. В. Рашер), киберсталкинг изучается как феномен как в психологическом, так и в

юридическом пространстве (В.Ю.Мельников, Т.А.Корякина). Также изучается и общее явление кибербуллинга в социальных сетях (А.А. Бочавер, Е.Ю. Зотова, Г.В. Солдатова, К.Д. Хломов, Р.Ковальский, М.Мартин, П.Смит), кибербуллинг и его влияние на общество в целом (С. И. Анохин, С. Е. Ковалева, Д. Е. Щипанова, Л. А. Найденова, И. С. Осипов). Но больше всего научных трудов посвящено такой социальной группе как подростки в связи с тем, что именно эта группа общества считается наиболее уязвимой группой для кибербуллинга. По данным исследований, количество подростков, подвергшихся кибербуллингу, удвоилось за последние годы, что вызывает серьезные опасения относительно их психического здоровья и безопасности. В России около 70% подростков сталкиваются с этой проблемой, что подчеркивает необходимость глубокого анализа факторов, способствующих ролевому поведению в таких ситуациях. Также мы знаем, что использование интернет-технологий у данной группы более распространено: подростки активно используют социальные сети и другие онлайн-платформы для общения, играют в онлайн игры, проводят большое количество времени в интернете – это все увеличивает вероятность столкновения с кибербуллингом. При этом психологическая устойчивость и социальные навыки взаимодействия у этой группы общества еще не развиты в той мере, чтобы психологические последствия после киберагрессии были минимальны. Таким образом, изучение кибербуллинга среди подростков является актуальным и необходимым для обеспечения их безопасности и благополучия в цифровом пространстве. В связи с вышесказанным, мы видим необходимость в исследовании ролевого поведения подростков в ситуации кибербуллинга.

Проблема исследования состоит в том, что с одной стороны кибербуллинг стал одной из наиболее актуальных проблематик в современном обществе, особенно среди подростков, которые активно используют цифровые технологии и социальные сети. Но с другой стороны, несмотря на растущее внимание к данной теме, недостаточно изучены социально–

психологические факторы, влияющие на ролевое поведение подростков в ситуациях кибербуллинга.

Цель исследования – изучение ролевого поведения подростков и выявление психологических факторов, обуславливающих выбор определенной роли в ситуации кибербуллинга.

Объект исследования – кибербуллинг в подростковом периоде.

Предмет исследования – психологические особенности ролевого поведения подростков в ситуации кибербуллинга.

Гипотеза эмпирического исследования: выбор подростком определенной роли в ситуации кибербуллинга может быть обусловлен социально-психологическими факторами, которые также имеют и специфические особенности в своей конфигурации и уровне выраженности

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы были сформулированы следующие **задачи исследования**:

1. Выделить основные формы, методы и каналы распространения кибербуллинга.
2. Рассмотреть основные психологические аспекты ролевого поведения подростков.
3. Изучить, как кибербуллинг влияет на ролевое поведение подростков.
4. Провести эмпирическое исследование ролевого поведения подростков в контексте кибербуллинга.
5. Проанализировать, обобщить и оформить полученные в ходе эмпирического исследования данные.
6. Разработать рекомендации для педагогов и родителей по предотвращению кибербуллинга и поддержке его участников.

Методы исследования:

- теоретические: использовались такие методы, как сравнительный анализ, обобщение, систематизация, моделирование и теоретический анализ литературы по теме исследования. Эти методы помогли выделить цель, гипотезу, задачи исследования и области эмпирического анализа;

- эмпирические методы. Использовались следующие 4 опросника и 1 методика: опросник Е. Г. Норкиной для выявления буллинг-структуры, опросник киберагрессии А. А. Шарова, опросник типологии киберагрессии С. С. Антипиной, методика измерения самооценки Дембо-Рубинштйена, опросник взаимодействия родитель – ребенок И.М. Марковской.

- математико-статистические методы обработки (Регрессионный анализ для выявления предикторов проявленной роли в контексте кибербуллинга; Критерий Краскела-Уоллеса для выявления различий в выраженности исследуемых признаков между ролями кибербуллинга) для подтверждения выдвинутой эмпирической гипотезы. Обработка данных производилась с помощью программ Microsoft Excel 2016 и SPSS 19.0

Эмпирическое исследование было проведено в форме опроса на базе интернет платформы psytests.org с использованием стандартных форм опросника с направлением ссылки на опрос каждому участнику.

База исследования:

В нашем исследовании приняли участие 60 респондентов из учебных заведений г. Екатеринбурга в количестве 32 юноши и 28 девушек в возрастном диапазоне от 12 до 15 лет.

Практическая значимость исследования состоит в возможности создания эффективных общих программ профилактики кибербуллинга в образовательных учреждениях. Понимание факторов, влияющих на ролевое поведение, позволит разработать целенаправленные меры по снижению случаев кибербуллинга. Также на основе полученных данных можно создать обучающие материалы для педагогов и родителей, которые помогут им лучше понимать динамику кибербуллинга и индивидуальные способы поддержки подростков.

Структура выпускной квалификационной работы включает введение, две главы, заключение, биографический список, приложения. В библиографическом списке представлено 80 источник по теме исследования. В приложении представлены материалы о результатах исследований. Работа

иллюстрирована девятью таблицами, тремя рисунками. Общий объем курсового исследования составил 78 страниц, не считая списка литературы и источников. Объем приложений 15 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБУЛЛИНГА И РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

1.1 Понятие и виды кибербуллинга

Термин «буллинг» на сегодняшний день знаком практически каждому, его распространение происходит в разных учреждениях, культурах и сообществах. Самое большое распространение наблюдается в образовательных учреждениях и армии, но в последнее время участились случаи и в рабочей среде. Необходимо отметить, что самые сложные последствия несет в себе буллинг школьной среды, в первую очередь с точки зрения влияния на психику. При этом влияние на всех участников: как на того, на кого направлена агрессия, так и на тех, кто производит негативные действия, и даже на тех, кто является наблюдателем ситуаций буллинга. По статистике на каждого десятого ученика оказываются действия насильственного характера и этот показатель ежегодно растет. Так в 2019 проводилось исследование, где была выдвинута следующая статистика: «Каждый второй из опрошенных подростков (52%) сталкивался с агрессией в школе. В первую очередь учащиеся жалуются на психологическую агрессию сверстников (32%) и на ее физические проявления (26,6%) – толчки, побои и другое. О случаях агрессии со стороны учеников в отношении учителей говорят 22% опрошенных подростков в возрасте от 10 до 18 лет. Об этом говорится в социологическом исследовании «Российские школьники: политические, сексуальные и карьерные предпочтения» (есть у РБК, автор исследования – «Михайлов и Партнеры. Аналитика»))» [4]. Цифра действительно высокая и имеется яркий тренд в рост от года к году, хотя внешних явных конфликтов становится все меньше. Дело в том, что буллинг в том числе из офлайн пространства перешел в онлайн и получил название «кибербуллинг». По сути, это такие же целенаправленные агрессивные действия против личности, но проводятся они исключительно с помощью

электронных средств коммуникации, и таким образом, в нашем обществе проявляется новая угроза и новая форма агрессии. Это явление стало актуализироваться и приобрело отдельный термин в связи с тем, что пронизанность жизни интернет-ресурсами стало повсеместным, также влияние социальных сетей в современных коммуникациях становится выше «живого» общения.

Для того, чтобы глубже понять контекст кибербуллинга, необходимо вернуться к первому определению и к современной его интерпретации. Так как кибербуллинг – это одна из форм буллинга, то важно отметить, что «буллинг – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы» [12]. Именно такое определение впервые дал Норвежский психолог Д. Ольвеус в 1993 году. Как отдельное направление кибербуллинг начал изучаться в XX веке. Сам же термин «кибербуллинг» был введен в научный оборот канадским педагогом Биллом Белсеем. Если обратиться к составляющим определения, то «кибербуллинг» состоит из двух английских слов «cyber», что означает «относящийся к компьютерам, информационным технологиям, интернету» и «bull», что буквально означает «бык, вздор, враки», но в то же время ассоциативно указывает на провокацию, доминирование и агрессивное нападение. Сам Билл Белсей определил его как преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и коммуникационные технологии [1]. Первый эпизод кибербуллинга, если обратиться к интернет поиску, связывают с Моникой Левински, выделяя ее как первую зарегистрированную и признанную жертву интернет агрессии. "За одну ночь из частного лица я превратилась в объект общественного унижения. Я была нулевым пациентом. Первым человеком, чья репутация была полностью уничтожена с помощью интернета" – так описывала ситуацию, которая произошла, сама Моника. Напомним вкратце о произошедшем инциденте: после скандала с президентом США Б.Клинтоном на М.Левински

обрушился шквал критики и негатива от граждан штатов. Они взломали ее телефон, атаковывали электронную почту, совершали звонки 24/7 с целью выразить свою критику поступка, в том числе в агрессивной угрожающей манере, обвиняя исключительно Левински в произошедшем. На текущий момент, вспоминая свой тяжелый опыт, Моника выступает помощником для жертв травли, унижения и кибер преследования, выступает на конференциях по антибуллингу и ведет активную публичную деятельность в данном направлении как человек, который смог выстоять. С того времени ситуация в интернет-пространстве еще больше поглощает людей и выводит травлю на больший уровень по масштабу каналов для травли, охвату аудитории, возрастной включенности. И так как основными пользователями являются представители молодежи, а последствия становятся более трагичными и влияют на общество в более длинной перспективе, со стороны научного сообщества проявляется высокий запрос на изучение данного феномена как отдельного вида буллинга. Так Д. Николау констатирует влияние кибербуллинга на суицидальное поведение молодежи (как на мысли о суициде, так и на попытки самоубийства), причем девушки больше страдают от кибербуллинга, но мужчины чаще переходят к действиям, и их попытки значимо чаще сопровождаются завершенными суицидами [23]. Согласно Дж. В. Патчин и С. Хиндуджа, кибербуллинг представляет собой преднамеренное действие с целью нанесения травмы или повреждения, используя компьютеры, мобильные телефоны и другие электронные устройства, против тех, кто не может предотвратить или остановить это поведение [79]. П. К. Смит с соавторами определяет кибербуллинг как агрессивный преднамеренный акт, осуществляемый неоднократно, группой или индивидуально против жертвы, которая не может себя защитить, посредством электронной формы связи (чаще с помощью смартфона или сети Интернет) [80]. Некоторые исследователи выделяют анонимность как ключевое отличие и движущую силу кибербуллинга. Другие добавляют, что неопределенное количество свидетелей может поддерживать как жертву, так и агрессора. Я. Ювонен и Э.

Ф. Гросс рассматривают кибербуллинг как любую атаку, направленную на причинение вреда другим в интернет-пространстве [77]. В другой работе понятие кибербуллинга уточняется как преследование или нападение на человека с использованием технологий (например, электронной почты, компьютеров, мобильных телефонов, видеокамер и др.) с целью распространения клеветы, навешивания обидных кличек или игнорирования жертвы [23]. Исследователи, изучая данный вопрос вводят определенные свойства, которые присущи исключительно кибербуллингу, такие как анонимность, признание того, что физическое превосходство не придает каких-либо преимуществ в онлайн среде [23]. Рассматривая данные работы, мы видим, что единого определения на сегодняшний день нет, но в все исследователи связывают кибербуллинг с деструктивностью, которая может порой нести в себе опасность для человеческих жизней. Поэтому этот феномен требует разностороннего и последовательного изучения, в частности, специалистами в области психологии и педагогики.

Что касается российской практики, то на август 2024 года по запросу «кибербуллинг» на портале elibrary.ru было найдено 8624 публикаций, преимущественно датированные с 2018 года, что говорит о стремительном росте изучения данной проблемы в последние годы. Этот вопрос плотно изучается в исследованиях С.И. Анохина, С. Е. Ковалевой, Д. Е. Щипановой, Л. А. Найденовой, И. С. Осипова, У. У. Парфентьева и др. В своих работах они находят интерпретации, очерчивают правовое поле действия феномена, его распространение и влияние на участников и общество в целом, а также способы защиты для всех причастных. Стоит отметить, что в текущий момент в законах РФ нет такого понятия как кибербуллинг, и правовые основы еще не сформированы. Но не смотря на пробел в законах, к ответственности чаще всего можно привлечь в виде административного правонарушения в качестве совершения мелкого хулиганства, клеветы и оскорбления. Но есть прецеденты, когда кибербуллинг был проработан по уголовному законодательству в ситуациях, когда были доказаны факты угроз угрозами

потерпевшему убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, преследуется по статье 119 УК РФ, а также в склонении жертвы интернет-травли к совершению самоубийства или в доведении до самоубийства. Законодательство иных стран признает таковым психическое воздействие на человека с применением информационно-коммуникационных технологий в целях унижения, умаления его чести и достоинства.

Также, как и в зарубежных исследованиях, в российской практике также были введены критерии, присущий именно кибербуллингу. Они выражаются в следующих свойствах:

- намеренное причинение вреда;
- систематично повторяющийся процесс;
- публичность и широта распространение;
- непрерывность процесса агрессии;
- закрытость агрессии;
- анонимность агрессора.

Намеренное привлечение вреда, как критерий, говорит о том, что действия агрессора целенаправлены и ориентированы на умышленное нанесение вреда. Исследователи, такие как С. И. Анохин, подчеркивают, что кибербуллинг включает в себя именно умышленные действия, которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми, и требуют комплексного подхода к пониманию и решению проблемы [1]. Например, цели могут быть такими: подрыв репутации личности и его положению в группе. Также целью может быть месть либо привлечение внимание к своей персоне, как писал об этом Т.А. Газизьянов в своем научном труде о психологии кибербуллинга, что тоже свидетельствует об осознанности цели действий. Хотя оценить, насколько злой был план у агрессора или это была лишь шутка бывает очень сложно, особенно когда наблюдение за агрессором отсутствует [19]. Стоит отметить также, что последствия своих действий агрессором крайне редко осознаются и понимаются в полной мере, особенно в ситуации кибер

пространства, когда реакция жертвы скрыта полностью либо частично, а реальное влияние невозможно оценить.

Поэтому важно понять и следующий критерий – систематичность и повторение действий. То есть это не разовый конфликт, спор и расхождение мнений, а повторяющиеся агрессивные действия против жертвы со стороны одного или группы лиц [35]. Безусловно систематичность действий довольно сложно проследить и однозначно объяснить. Например, публикацию порочащего видео на сервер жертва может принимать как повторную агрессию при каждом посещении сервера. Или если видео получило распространение третьими лицами с помощью репостов и пересылок. Хотя, по сути, действие со стороны агрессора было проведено единожды.

Так, из-за доступа третьих лиц и возможностей охвата интернет-сети, появляется критерий публичности и широты распространения. То есть результат действий против жертвы может распространяться по большой аудитории, практически на весь мир, и получать разные реакции, что повторно может ранить жертву, а также «создавать» последователей кибербуллинга. Это все приводит к ощущениям, что против жертвы настроен весь мир. К тому же публика может быть нужна для самого агрессора, чтобы получить долю внимания к своей персоне, и тогда личность жертвы может быть не важна агрессору.

Один из неоспоримых критериев кибербуллинга – это травля 24/7. Доступ в интернет и к цифровым средствам связи постоянный, что зачастую изнуряет жертву и усугубляет ее страдания. Таким образом обидчик может обрушить шквал агрессии через различные каналы и в любое время суток: электронную почту, звонки, социальные сети, мессенджеры и т.д. Также большое количество способов изнурять жертву: фото, видео, мемы, скрины переписок, сообщения в мессенджерах и т.д. Причем жертва может получать их в режиме нон стоп, и быть закрытой для тех лиц, кто может оказать реальную поддержку и остановку процесса. Например, родители и педагоги могут и не подозревать, что происходит в классе, как проходит коммуникация

и какие реальные связи настроены между учениками. И жертва с свою очередь может не идти за помощью по причине страха реакции и дальнейшего запрета на пользование интернетом.

Анонимность – еще один критерий, выделяющий кибербуллинг в отдельный феномен. При желании агрессор может остаться незамеченным и «белым и пушистым» в реальной жизни, зайдя на безликий аккаунт, удалив следы активности в сети и по сути, остаться безнаказанным за свои действия. Это факт ведет к тому, что действия становятся более агрессивными, так как чувствуется защищенность от последствий. Таким образом, узнать о его действиях становится сложнее, следовательно, выявить обидчика крайне сложно, а порой даже невозможно.

Кибербуллинг может принимать различные формы и использовать разнообразные методы, что делает его сложным и многообразным явлением [63]. Для того, чтобы разобраться в данном феномене более ясно, были выделены формы внутри явления. Основные формы кибербуллинга, которые выделяют в современном пространстве изучения феномена кибербуллинг представлены ниже. В первые были выделены исследователями К. Кириаку и А. Зуинс следующие формы:

1. Флейминг. Это форма агрессивного общения, при которой пользователи обмениваются оскорбительными сообщениями, провоцируя друг друга на конфликт. Таким образом участники стремятся вывести друг друга из эмоционального равновесия и с этой целью оскорбляют и провоцируют друг друга через сообщения (как текстовые, так и голосовые) на публичных площадках (комментарии, форумы, чаты и т.д.). Как следствие конфликт становится публичным, неконструктивным, эмоциональным, длительным, переходящим на личности. В отличии от дискуссии, здесь отсутствует цель решить проблему. Целью является получение удовольствия от агрессии в конфликте.

2. Онлайн домогательство, или киберхарассмент, представляет собой нежелательные действия сексуального характера, осуществляемые через интернет и цифровые технологии.

3. Киберпреследование или киберсталкинг. Постоянное преследование жертвы в интернете, включая слежение за её действиями и отправку угрожающих сообщений. По факту агрессор ведет слежку за жертвой по всем каналам, далее использует личную информацию для максимального запугивания жертвы и вызова у нее страха за свою безопасность. В части ситуаций киберсталкинг выходит в реальный мир и несет за собой физическую опасность для жертвы.

4. Клевета или троллинг. Умышленное провоцирование людей в интернете с целью вызвать негативные эмоции или споры. С точки зрения проявленности и цели схож с флеймингом. Отличие от флейминга, что троллинг – это односторонняя агрессия, где жертва пытается защищаться, при этом троллинг преследует жертву из раза в раз в разных эпизодах, а флейминг – это двухсторонняя атака в кратком едином эпизоде.

5. Пранкерство – это форма развлечения, в которой люди (пранкеры) разыгрывают других, создавая ситуации, вызывающие смех или недоумение. Эти розыгрыши могут происходить как в реальной жизни, так и в интернете, и часто включают в себя использование телефонов, видео или социальных сетей для взаимодействия с жертвами. Хотя пранкерство изначально может быть задумано как развлечение, в некоторых случаях оно переходит границы и становится агрессивным или уничижительным.

6. Разглашение конфиденциальной информации – это действие включает в себя публикацию или распространение личных данных, интимных фотографий и другой чувствительной информации без согласия владельца [78].

В ходе изучения кибербуллинга и его распространения, в дополнение к первым формам были выделены дополнительные современные более узкие формы с соответствующим присваиванием термина:

1. Секстинг. Распространение интимных изображений или сообщений без согласия жертвы, что может привести к унижению и эмоциональному стрессу. Чем старше становятся подростки, тем выше вероятность их вовлечения в секстинг с различными подоплеками вхождения. Это может быть связано с исследованием своей сексуальности и желанием установить близкие отношения. Последствия крайне губительны для психики пубертатного периода.

2. Диссинг. Заключается в передаче или публикации порочащей информации о жертве в режиме онлайн. Этот метод может включать в себя создание и распространение оскорбительных мемов, фотожаб, слухов и недостоверной информации, что может серьезно повредить репутации жертвы.

3. Фрейпинг. Получение доступа к аккаунту жертвы и публикация от её имени оскорбительных или компрометирующих материалов. Публикация подобного контента может серьезно навредить репутации жертвы, особенно если это происходит в открытых сообществах. Жертве может быть сложно доказать, что она не сама публиковала этот контент, особенно если агрессор действовал умело.

4. Аутинг. Разглашение личной информации о человеке без его согласия, с целью унижить или скомпрометировать его. Обычно это происходит через публикацию в интернете данных, которые могут быть чувствительными или конфиденциальными, таких как сексуальная ориентация, личные тайны или другая информация, которая может вызвать негативную реакцию со стороны общества.

5. Фейкинг. Создание поддельных идентичных профилей жертвы аккаунтов для обмана друзей жертвы и манипуляции самой жертвой и её чувствами.

6. Бойкот. Аналогично бойкоту в реальной жизни члены коллектива исключают жертву из общих групп и чатов или договариваются игнорировать её сообщения

7. Хейтинг. Создание поля для критики в адрес пользователя, часто необоснованной и беспредметной. Может приобретать глобальные масштабы, когда человека заваливают сотнями оскорбительных комментариев или сообщений. Для этого агрессоры используют собственные либо фейковые (поддельные) аккаунты. В результате у жертвы складывается впечатление, что её ненавидит весь мир.

Все формы, о которых говорили выше, осуществляются с помощью различных цифровых технологий и платформ, которые позволяют агрессорам взаимодействовать с жертвами. Основные инструменты и технологии, используемые для кибербуллинга, включают в себя следующий пул каналов:

- Социальные сети: платформы для коммуникаций (VK, Pinterest, ОК и т.д.) и для видеохостинга (Youtube, TikTok и т.д.). Здесь агрессоры могут создавать очерняющие посты/фото/видео, унижающие комментарии, запугивающие сообщения, фейковые аккаунты жертвы для дальнейшей рассылки оскорбляющей информации, массовые жалобы на аккаунт жертвы с целью блокировки.
- Мессенджеры: приложения для обмена сообщениями (WhatsApp, Viber, Telegram и т.д.). Агрессоры могут использовать для отправки угрожающих или уничижительных сообщений как лично, так и на группу людей, для отправки фото/видео.
- Форумы и блоги: место, где агрессоры могут опубликовать оскорбления, унижения, провокационные сообщения при этом оставаясь анонимом.
- Игровые платформы: онлайн-игры, где агрессоры могут оскорблять, троллить или устроить групповое преследование.
- Мобильная связь: агрессоры могут направлять сообщения или совершать звонки угрожающего, унижающего и клеветнического содержания.
- Электронная почта. Здесь агрессоры могут организовать рассылку спама, вирусов, сообщения любого характера, брать скрины сообщений для дальнейшего использования.

На основании исследования, которое провели платформа VK и компания UXSSR (занимается разработкой процессов анкетирования), стало известно, что 57% российских пользователей социальных сетей сталкивались с кибербуллингом. 42% пользователей считают, что уровень сетевого буллинга вырос за последние пару лет. Причиной этого эксперты называют повышенное внимание к агрессии в интернете [56]. Играет роль и то, что пользователи все больше называют кибербуллинг реальной проблемой. Также отметим, что почти половина пользователей знакома с инструментами, которые позволяют справиться с агрессором в Сети. Так, на проявления кибербуллинга в свой адрес почти половина (47%) жертв блокировала агрессора, еще 28% отправляли жалобу через специальную кнопку в соцсети. Однако каждый пятый (20%) отвечал обидчику агрессией. А жертвы после столкновения с агрессором раздражались (46%), чувствовали обиду (26%), растерянность (17%), тревогу, страх и подавленность (16%) [56]. При этом аудитория анкетирования были лица, старше 18 лет, и они имеют опыт как совладать с кибербуллингом и своими эмоциями, состояниями, чтобы минимизировать влияние на личность. Но мы понимаем, что пользователей интернетом много среди лиц младше 18 лет. А также знаем, что среди подростков ситуаций травли гораздо больше, а эмоциональный интеллект и способности для защиты ниже, и как следствие подростки становятся особенно уязвимыми в ситуации кибербуллинга.

Причины и мотивы агрессивного поведения подростков различны и глубинно изучаются научными сообществами. Понимание данных побуждений поможет уменьшить проникновение кибербуллинга, а также найти способы нейтрализации киберагрессии. Так, на сегодняшний день выделяют следующие основные причины данного феномена:

- Низкая самооценка: подростки с низкой самооценкой часто проявляют агрессию в интернете, чтобы компенсировать свои внутренние комплексы. Они могут переносить свое недовольство на других, выбирая жертв, которые кажутся им уязвимыми.

- Мстительность: подростки, получив однажды агрессию в свою сторону становятся одержимыми желанием отомстить и выбирают аналогичный ответ агрессией. Таким образом, жертва сама становится агрессором и зачастую возвращать агрессию обидчику опасно, и он начинает «выпускать пар» на других, более слабых и уязвимых, тем самым запуская очередной кибербуллинг.

- Анонимность: возможность оставаться анонимным в сети позволяет подросткам действовать без страха последствий. Это создает среду, где они могут вести себя агрессивно, не опасаясь за свою репутацию.

- Имитация поведения: подростки могут копировать агрессивное поведение, наблюдая за ним у сверстников или в медиа, принимая это за норму – «все так делают». Это может привести к нормализации агрессии как способа взаимодействия.

- Групповое давление: в группах, где агрессия по отношению к другим воспринимается как норма, подростки могут чувствовать давление со стороны сверстников, чтобы участвовать в кибербуллинге. Особенно остро происходит, когда подросток включен в определенную банду, или группу единомышленников.

- Поиск статуса: подростки могут использовать кибербуллинг как способ повышения своего статуса и подымание по «социальной лестнице» среди сверстников, стремясь завоевать уважение или страх.

- Убегание от скуки: подростки, ищущие эмоций, могут прибегать к киберагрессии просто ради развлечения и азарта.

- Отрыв от реальности: киберпространство не дает возможности наблюдать реакции друг друга и, как следствие, оценить воздействие агрессора на жертву. Поэтому чаще всего подростки не придают большого внимания своим действиям и, как следствие, не испытывают чувства вины, переводя все в шутку.

Глубинные мотивы агрессоров киберагрессии идентичны буллингу. Так врач–психиатр, психотерапевт И.С. Бердышев анализирует в своей статье следующие теоретические подходы к пониманию мотивов буллинга, выделяя:

1. Психоаналитический подход: буллинг объясняется потребностью ребенка выместить свою непроявленную агрессию по отношению к более слабым сверстникам (реакция замещения агрессии).

2. Поведенческий подход, а именно теория социального научения, предполагает, что буллингу просто можно научиться, моделировать то поведение, которое ребенок видел, как успешное в определенных ситуациях (в отношениях с родителями; в фильмах и пр.).

3. Социально–психологический (социологический) подход объясняет буллинг как следствие существующего социального и экономического неравенства, которое обуславливает необходимость для некоторых детей «отвоевывать» свой социальный статус, применяя насилие и жестокость.

4. Комплексный подход как совокупность влияния сразу четырех факторов: текущее поведение; личностная предрасположенность; множественный стресс и беспомощная позиция школы [37].

1.2. Социально–психологические факторы ролевого поведения

Подросток – это человек, находящийся в переходном возрасте между детством и взрослостью. Этот период, как правило, охватывает возраст от 11–12 до 15–16 лет, хотя точные границы могут варьироваться в зависимости от культурных и социальных факторов. По сути, это тот этап формирования личности, когда сформированность еще недостаточна, чтобы называться взрослой. При этом личность нельзя назвать ребенком, так как есть сформированные когнитивные способности к регуляции своих действий в формировании взаимодействия с другими людьми, относительно принятых в обществе социальных норм и правил [67]. Профессор К. В. Поливанова в своей статье в энциклопедическом словаре «Психология развития» дает следующее

понятие подростковому возрасту – это период онтогенеза, занимающий промежуточное положение между детством и юностью (приблизительно от 11–12 до 15–16 лет) [15]. В некоторых психологических исследованиях подростковый возраст отождествляется с периодом пубертата, т. е. периодом полового созревания, так как в анатомо-физиологическом аспекте связан с интенсивным половым созреванием. Эмоциональная нестабильность, свойственная этому возрасту, связана, в частности, и с перестройкой гормональной системы, а также с генерализованными процессами возбуждения и торможения, так как нервная система в этот период не в состоянии выдерживать большие и длительные нагрузки.

Начало изучения подросткового возраста начал С.Холл в своем двухтомном труде *Adolescence: Its Psychology, and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education* [60]. Изучая труды, специалисты говорят о том, что период подросткового возраста соответствует эре романтизма в истории человечества и воспроизводит эпоху хаоса, когда полу варварские животные тенденции наталкиваются в своем проявлении на требования социальной жизни. Поэтому Стенли Холл считает, что кризис проявится на этом этапе развития личности, ведь для данного этапа характерны скачкообразные изменения в анатомии и физиологии. И в то же время подростку присущи такие качества как энтузиазм и смятение, нестабильность реакций и эмоций, из чего складывается противоречивость в поведении – ведь он хочет сохранить индивидуальность, получить автономию и при этом быть включенным в группу с определенными нормами и ценностями, часто не резонирующими с его нутром. Психолог назвал подростковый период периодом «бури и натиска». Именно это название отрочества – эпоха бури и натиска – вошло в историю психологии как маркер теории Г. С. Холла. Тем самым в психологию и педагогику на долгие десятилетия был внедрен образ бунтующего, полного противоречий подростка, юноши, а весь возраст был определен как кризисный [48].

Э. Шпрангер – немецкий философ, психолог и педагог в своей книге «Психология юношеского возраста» описывал подростковый период как период вхождения в культуру – резкое, бурное, кризисное течение, когда отрочество переживается как второе рождение «Я». По факту в это время появляется рефлексия и самопознание, появляется некий идеал, которому есть стремление соответствовать. Ш.Бюлер – немецкий психолог, считала подростковый период тем временем, когда у человека возникает новая жизненная потребность – потребность в дополнении другими людьми. Поэтому данный период был посвящен в первую очередь поиску друга, иными словами – социализации [73].

Классический труд Л.С. Выготского «Проблема возраста» исследует и изучает развитие ребенка в подростковом периоде в условиях комплексного подхода, практически направлен на диагностику психического развития [18]. Так, согласно взглядам, Л. С. Выготского, подростковый возраст – это самый неустойчивый и изменчивый период, который отсутствует у дикарей и при неблагоприятных условиях «имеет тенденцию несколько сокращаться, составляя часто едва приметную полосу между окончанием полового созревания и наступлением окончательной зрелости» [18]. В подростковом возрасте, подчеркивал Л. С. Выготский, имеет место период разрушения и отмирания старых интересов, и период созревания новой биологической основы, на которой впоследствии развиваются новые интересы. Он писал: «Если в начале фаза развития интересов стоит под знаком романтических стремлений, то конец фазы знаменуется реалистическим и практическим выбором одного наиболее устойчивого интереса, большей частью непосредственно связанного с основной жизненной линией, избираемой подростком» [18]. Л. С. Выготский одним из первых обозначил роль среды и уровня развития общества в формировании подростка, в их влиянии на особенности протекания и продолжительность подросткового возраста. Также он пришел к выводу о том, что в подростковом возрасте структура возрастных потребностей и интересов определяется в основном социально–классовой

принадлежностью подростка. О том же говорил и А.Бандура, в своей теории социального обучения. Он более подробно объясняет, как подростки усваивают модели поведения через наблюдение и подражание, что, забегая вперед, особенно актуально в контексте кибербуллинга.

Изучая труды исследователей, таких как Г. Гецер, Э. Эриксон, Ж. Пиаже, мы видим, что для подросткового периода характерен период социализации через поиск принадлежности к группе. Также если говорить об идеи ролевого подхода к личности в психологических трудах, то считается, что в течении жизни человек играет множество ролей во взаимодействии с другими. Благодаря различным социальным ролям человек может приобрести новые качества, навыки, которые помогают ему справиться с конкретной ситуацией. И так как поэтому становится крайне важным общение со сверстниками. Таким образом, играя роли в своей социализации, подростку становится важна успешность общения и получение статуса в группе, вырисовывается определенная иерархия или «социальная лестница». И если отношения в группе неблагоприятны, а статус становится залогом триумфа и устремлений ее участников – то это становится первопричиной агрессии, а также всех форм буллинга. И так как основное времяпрепровождение и общение происходит на сегодняшний день у подростков в виртуальном мире, то и агрессия переходит в это же пространство и проявляется преимущественно в кибербуллинге. Появляются цифровые условия для агрессии и травли. Как следствие подростки подстраиваются под цифровой мир и занимают определенные социальные роли в контексте кибербуллинга, такие как:

- Агрессоры (инициаторы). Подростки, которые инициируют травлю. Как правило у них низкий уровень эмпатии, низкий уровень успеваемости и зачастую они чувствуют отчужденность от родительской семьи. Их поведение может быть связано с низкой самооценкой, которую они стремятся выдать за высокую с элементами превосходства, стремлением к власти или влиянию со стороны сверстников. Они могут воспринимать агрессию как норму в межличностных отношениях.

- Жертвы. Подростки, подвергающиеся травле, часто имеют низкую самооценку и могут быть социально изолированы. Также они имеют признаки тревожности, неуверенности, застенчивости. Их уязвимость делает их мишенью для агрессоров. Последние исследования же говорят, что жертвой может стать любой человек, который по какой-то причине оказывается чуть в более слабой позиции, невыгодной ситуации и т.п. [30]. То есть тогда, когда он имеет какое-то отличие от сверстников: иная внешность, привычки, национальность, манера поведения, успеваемость, материальное положение, черты характера и т.д.

По сути, кибербуллинг строится на двух противоположных ролях – агрессоре и жертве, они максимально взаимосвязаны, и других сторон конфликта может и не быть. Но так или иначе есть еще роли, которые также порой занимают подростки в ситуациях киберагрессии:

- Последователи агрессоров (помощники инициатора). Подростки, кто присоединяются к агрессору, подхватывают действия травли и активно внедряют после первых действий со стороны агрессора. Как правило они имеют низкий статус относительно выбранной в сообществе социальной лестницы и своими действиями пытаются примкнуться к более сильному на их взгляд индивиду.

- Наблюдатели. Подростки, которые видят кибербуллинг, но не вмешиваются. Причем наблюдателями они могут быть случайным образом, например, состоя в одних и тех же сообществах, и группах мессенджеров, либо целенаправленным. Они могут испытывать страх перед агрессорами или не знать, как правильно реагировать либо они могут наблюдать за происходящим с неподдельным интересом [44]. В любом случае их бездействие может поддерживать агрессивное поведение. А их массовые действия против агрессии могут ее искоренить в их сообществе. Стоит отметить, что чаще всего наблюдатели остаются безмолвными лишь потому, что сами боятся наречь на себя агрессию, поэтому им проще промолчать.

- **Защитники.** Подростки, вмешивающиеся в инциденты с целью защитить жертву от нападок, считая, что сам он себя спасти не может. Их действия могут быть активными как дать отпор агрессору, так и менее активными, такие как поддержать, выслушать, посоветовать жертве. В любом случае они ведомы такими ценностями как доброта и справедливость. И если мы говорим про активные действия спасателя, то безусловно это характеризуется высокой самооценкой [24].

- **Жертва-агрессор.** Подростки, которые могут выступать как агрессором, так и жертвой, в зависимости от социальной ситуации. Как правило они одиноки, эмоционально нестабильны и импульсивны.

Если говорить об истоках формирования ролей, то безусловно в первую очередь влияет окружение и их внешнее воздействие. Любое действие или бездействие, когда оно идет из детства, оставляет свой отпечаток на личности. И первый круг влияния на формирование подростка – его семья. Если говорить про агрессивное поведение и поведение жертв, то зачастую это копинг стратегии коммуникаций, принятых в семье [49]. Также исследования показывают, что дисгармоничные детско-родительские отношения могут способствовать возникновению кибербуллинга.

В первую очередь семейные конфликты. Они оказывают влияние на психологическое состояние подростка и могут становиться той точкой, в которой начинается развиваться агрессивное поведение. Члены семьи создают определенную атмосферу в доме, и подросток становится наиболее чувствительны к тому, какой климат преимущественно воцаряется в пространстве, где он проживает. Частые конфликты, ругань, перебранки, молчаливая ненависть между родителями могут активировать внутри подростка тревогу, стресс и страх за будущее. Даже если ссоры происходят за закрытыми дверями, дети могут ощущать напряжение и негативные эмоции, что сказывается на их психическом здоровье. К тому же дети чаще всего считают себя причиной конфликтов в семье, и будучи подростками они укореняются в своей правоте и начинают ощущать чувство вины за себя. Как

следствие, это сопровождается низкой самооценкой, закоренелым повсеместным стыдом, и чтобы справиться с внутренними терзающими переживаниями подросток начинает проявлять агрессивное поведение вне семьи. Также если в семье применялись физические наказания, рукоприкладство, вербальная агрессия, негативизм и манипуляции обидой, то подросток начинает воспринимать такое поведение как норму во взаимодействии с другими либо как норму по отношению к себе. Еще одна ветка агрессивного либо жертвенного поведения из семьи в тех ситуациях, когда подростка принуждали принимать чью-либо сторону из родителей и, как следствие, внутри развивалось чувство одиночества и изоляции. К тому же если конфликты регулярны, это может приводить к неврозам и прочим психическим заболеваниям. Подросток будто живет в постоянном ожидании конфликта, таким образом напряжение нарастает и тревожность не покидает его. И так как в семье поиск поддержки и понимания невозможен, подросток остается с чувствами один на один, и может проявлять свой конфликт в агрессивном поведении в качестве вымещения эмоций, с которыми не может справиться. Либо прячется от всех, стремясь подсознательно к самоизоляции, тем самым получая ряд уничижающих действий по отношению к себе в качестве жертвы.

Вторым фактором, влияющим на развитие агрессивное поведение в сети либо по формированию жертвы – это недостаток родительского контроля, в том числе над действиями в виртуальном пространстве. Проявляется он в отсутствии осведомленности о том, что происходит в активности детей, когда они входят в кибер пространство, с какими рисками сталкиваются, как они проявляются, с кем и как коммуницируют и т.д. Чаще всего признаки кибербуллинга незаметны для родителей. Также низкий контроль со стороны семьи может создавать у подростка ощущение, что он свободен в действиях, особенно если не устанавливаются границы и правила пользования интернетом. Как следствие даже агрессивное поведение может остаться безнаказанным, ведь о его поступках не узнают родители. По сути они

остаются без поддержки и не получают необходимых рекомендаций по безопасному поведению в сети. Еще влияние имеет создавшаяся эмоциональная дистанция между родителями и детьми, когда родитель не проявляет интерес к формирующейся личности подростка, которая происходит через активность. Как следствие, подростки, не чувствующие поддержки со стороны родителей, могут искать одобрения и признания в онлайн-среде, что иногда приводит к вовлечению в киберагрессию. Подростки, не имеющие возможности обсуждать свои переживания с родителями, могут не знать, как правильно взаимодействовать с другими, что делает их более уязвимыми в социальных ситуациях, включая онлайн-взаимодействия. В целом если есть проблематика в открытости общения между родителями и подростками, когда ребенок не может обсудить свои переживания со значимым взрослым, она ведет к тому, что происходит сокрытие проблем и ситуаций требующих незамедлительной помощи. Это все, безусловно, усугубляет ситуацию киберагрессии.

Третьим фактором является стиль воспитания гиперопеки. Когда воспитание характеризуется чрезмерной заботой и контролем со стороны родителей. Подростки, выросшие в таких условиях, могут не развивать необходимые навыки саморегуляции и разрешения конфликтов. Когда они сталкиваются с трудностями в общении с ровесниками, они могут прибегать к агрессии как к способу справиться с ситуацией. Также такие подростки могут чувствовать себя неуверенно и искать способы самоутверждения в интернете, что иногда приводит к киберагрессии. Стоит отметить также, что воспитание в гиперопекаемом стиле порождает в ребенке виктимный стиль поведения, то есть, по сути, родитель сам запускает процесс виктимизации и тем самым возвращает жертву для общества.

В-четвертых, отсутствие эмоциональной поддержки со стороны родителей и других значимых взрослых может существенно влиять на развитие киберагрессии у подростков. Чаще всего это приводит к тому, что подросток чувствует себя одиноким и изолированным, формируется низкая

самооценка. Для нейтрализации этих чувств он начинает искать признания в сообществах, в том числе в интернете, где могут столкнуться с агрессивным поведением и травле. Также подростки, не получающие эмоциональной поддержки, могут испытывать трудности в понимании и управлении своими эмоциями. Это может привести к повышенной тревожности и депрессии, а также к неумению адекватно реагировать на негативные ситуации в интернете. Неспособность к саморефлексии и эмпатии может усугубить проблемы, так как такие подростки не способны критически оценивать свои действия и их последствия, что может привести к эскалации конфликтов [9].

Таким образом можно сказать, что активное участие родителей в жизни своих детей и создание открытой коммуникации являются важными факторами в борьбе с кибербуллингом.

Но не только родители влияют на формирование подростка. Более того, в современном мире мы можем наблюдать цифровой разрыв между поколениями детей и родителей, который снижает значимость фигуры взрослого и ее роли в отношениях между родителями и детьми [65]. И наиболее влиятельным становится второй круг влияния – сверстники и близкий круг коммуникаций подростка. Если говорить в рамках проявления киберагрессии, то здесь выделяют следующие аспекты:

- Давление группы. Подростки стремятся к принадлежности к группе, принятию и занятию определенной ступени в иерархии, которая сложилась согласно тому пониманию успешности, что закладывает окружение ориентира подростка. То есть чтобы получить одобрение, уважение и поднять свой статус, подростки идут на агрессивные действия в интернете. По сути, он так присоединяется к группе обидчиков тем самым безмолвно говоря «я с вами, я такой как вы», что может способствовать укреплению социальных связей и повышению статуса среди данной группы сверстников. К тому же, если в данной группе агрессивное поведение считается нормой, то это заставляет каждого участника верить в то, что его действия оправданы. Надо добавить, говоря о давлении группы, что подростки, которые испытывают

эмоциональную изоляцию или недостаток поддержки со стороны взрослых, могут искать одобрения среди сверстников, которые участвуют в киберагрессии. Это может создать замкнутый круг, где жертвы становятся агрессорами в попытках восстановить свою социальную идентичность и получить признание.

- Модели поведения. Если в группе есть выраженные лидеры, служащие моделью поведения, другие подростки могут начать ему подражать или в целом распространять похожий тип коммуникации друг с другом через агрессию и унижение. По словам исследователя Труниной С.В. «Такая причина, как «давление сверстников», может побуждать подростков к использованию онлайн-травли, потому что они стремятся соответствовать мнению группы друзей, выступающих для них в качестве авторитета. Мотивация, основанная на представлении подростков о том, что все хотя бы раз применяли издевательства по отношению к другим («участие каждого»), и «чувство безопасности» формируют у агрессоров уверенность, что их действия допустимы и останутся безнаказанными» [65].

- Эмоциональная поддержка. Подростки, не получающие достаточной эмоциональной поддержки от родителей и сверстников, могут испытывать чувство одиночества и непонимания. Это может побуждать их искать признания и одобрения в интернете, что иногда приводит к участию в кибербуллинге. Таким образом может создаваться замкнутый круг, где жертвы становятся агрессорами в попытках восстановить свою социальную идентичность и получить признание.

Таким образом, сверстники оказывают значительное влияние на кибербуллинг среди подростков как положительно, так и отрицательно. Создание среды поддержки и формирования позитивных норм поведения среди сверстников может стать ключевым фактором в борьбе с этой проблемой.

Третьим кругом влияния считается образовательная среда, что включает в себя педагогический состав, круг одноклассников и иных школьников,

администрации школы. Безусловно в период подросткового возраста, когда большое количество времени проводится в стенах школы и родитель не может наблюдать, что происходит за этими стенами, влияние педагога увеличивается. В рамках проявления киберагрессии влияют следующие факторы:

- Социальная принадлежность. Образовательная среда формирует чувство принадлежности у подростков. Если они чувствуют себя частью дружного коллектива, это может снизить вероятность кибербуллинга. Напротив, отсутствие поддержки со стороны одноклассников и педагогов может способствовать возникновению агрессивного поведения в интернете, так как подростки ищут признания и одобрения в других социальных группах [10].

- Модели поведения. Учебные заведения являются местом, где подростки наблюдают за поведением сверстников и взрослых. Так, если в образовательной среде присутствуют агрессивные модели поведения, это может способствовать нормализации кибербуллинга. Также, если учителя не реагируют на проявления агрессии, это может создать впечатление, что такие действия допустимы.

- Образовательные программы и профилактика. Школы, которые активно внедряют программы по профилактике буллинга и кибербуллинга, могут значительно снизить уровень агрессии среди учащихся. Обучение навыкам разрешения конфликтов, эмоциональной грамотности и ответственности за свои действия в интернете помогает формировать более безопасную образовательную среду [42].

- Влияние технологий. Если школа активно использует цифровые платформы для общения, важно, чтобы были установлены четкие правила поведения и последствия за их нарушение. Отсутствие таких правил может привести к увеличению случаев кибербуллинга [42].

- Поддержка со стороны учителей. Подростки, которые чувствуют поддержку и понимание, менее склонны к агрессивному поведению в

интернете. Важно, чтобы взрослые были вовлечены в жизнь подростков и могли обсуждать с ними проблемы, связанные с кибербуллингом. Бывает и так, что учитель сам выделяет в коллективе неудобного ученика и, унижая его публично, задает нормы допустимого поведения для школьников, что только разжигает возможную агрессию в сторону подростка, в том числе и в киберпространстве.

В заключение, школа играет ключевую роль в формировании условий, способствующих или препятствующих кибербуллингу. Эффективное взаимодействие всех участников образовательного и воспитательного процесса – учащихся, родителей и педагогов – является необходимым условием для борьбы с этой проблемой.

1.3. Психологические последствия кибербуллинга для личности подростка

Как мы говорили ранее, подростковый возраст характеризуется физическими, эмоциональными и социальными изменениями, а также поиском идентичности и самоопределения. Такое самопознание в первую очередь безусловно происходит через социализацию и выстраивание коммуникации с кругом людей, в первую очередь со сверстниками, родителями и учителями. Но новая цифровая эра диктует нам свои правила. Так, наши дети, рожденные со смартфоном в руках, начинают выстраивать коммуникации не только в «офлайн» взаимодействии, но также и в онлайн пространстве. Более того, реальное общение все больше заменяется цифровым и это становится нормой для подростка, ведь он попросту привык к такому взаимодействию. Согласно исследованию центра социологических и интернет-исследований СПбГУ под руководством Майи Русаковой, в 2022 году «почти четверть (23%) подростков проводят в интернете более семи часов каждый день, при этом 80% сообщили, что проводят в интернете ежедневно

от трех часов. Причем время, которое подростки проводят в сети, постоянно растет» [42].

По сути, можно заявить, что общение современного подростка проходит преимущественно в интернет-пространстве. К моменту подросткового возраста человек уже накапливает социальный капитал различных сообществ, онлайн друзей, блогеров и т.д. И так как данный период характеризуется в том числе поиском идентичности, то подросток начинает накладывать на себя разные модели поведения для того, чтобы по итогу, как ему кажется, найти себя настоящего. Поиск, как правило, характеризуется перебиранием вариантов и каждый их выбор будет иметь свой тип, форму и жизненный цикл. Также на первый план начинают выходить внешние факторы, принятые как норма, такие как статус среди сверстников, успех среди противоположного пола, популярность и т.п. И цифровой мир будет только помогать желающим продемонстрировать свое положение, например, селфи с макияжем, видео с дорогих поездок, умные посты, многосложные комментарии. Кроме этого, кибер пространство дает больше возможностей для общения, изучения нового, получения знаний и образования, расширения круга друзей, видения разных моделей поведения. Общество получило огромные возможности, но вместе с ними и реальные опасности, которые изучают исследователи всего мира, и еще неизведанные риски, с которыми предстоит столкнуться. Так, говоря о кибербуллинге, как о проблематике, зародившейся в цифровой среде, как мы говорили ранее, он имеет обширное влияние как на общество в целом, так и на отдельного индивида. Если говорить об обществе в целом, то можем выделить следующие негативные аспекты:

- Создание токсичной среды. В тех группах, где происходит кибербуллинг, создается атмосфера страха, недоверия, небезопасного нахождения в совместном пространстве, причем как в онлайн, так и в офлайн (если агрессор и жертва известны, наблюдатели могут видеть конфликт и находятся в одном коллективе). Если группа из одной образовательной среды, то страх будет влиять на процесс в целом: так учащиеся будут бояться

выражать свои мысли и идеи, что ограничивает их участие в учебном процессе и снижает общую динамику взаимодействия в классе.

- Нормализация агрессии. Участие в кибербуллинге делает процесс приемлемым для группы, находятся оправдания поведения и последователи. Более того, агрессивный стиль взаимодействия становится нормой для любой коммуникации как между сверстниками, так и по отношению к другим лицам, таким как родители, педагоги и т.д.

- Искаженное восприятие коммуникации. Те ситуации, когда агрессивное взаимодействие становится нормой в интернет-пространстве, это влияет на социальные навыки и в офлайн среде. Также подростку приходится постоянно одевать маски ролей, «прощупывать» группы с целью понимания «а могу ли я себе здесь позволить аналогичное общение, как в интернет среде».

- Законодательная база. По причине распространения кибербуллинга есть необходимость создать правовые отношения и внедрить наказания за различные рода нарушения. На сегодняшний день в законодательстве нет понятия кибербуллинга и его оцифровки в доказательствах агрессии, особенно сложно становится, когда агрессор профессионально остается анонимным [76].

- Этические нормы. Есть вопрос, который также возник, но на текущий момент не решен – это как лучше всего защищать жертв кибербуллинга и какие меры следует принимать для предотвращения этого явления. Есть ли необходимость повсеместного внедрения активностей, направленных на профилактику киберагрессии.

Таким образом, кибербуллинг оказывает глубокое влияние на общество, затрагивая психологическое здоровье каждого участника, образовательные процессы, социальные нормы и правовые аспекты.

Что касается индивидуального влияния на участников процесса, то они распространяются на все уровни жизни подростка. Так, согласно исследованиям, на физиологическом уровне наблюдается влияние на организм в целом: стрессы, тревожность, физические недомогания, проблемы со сном

вплоть до бессонницы, головные боли, тахикардия, высокая утомляемость, ухудшение когнитивных способностей в первую очередь в памяти и внимание, расстройства пищевого поведения, нервные тики, снижение иммунитета. Более того выявляются и тяжелые последствия, приводящие к задержке или частичной остановке как физиологического, так и психического развития. И если говорить о будущих последствиях, то могут развиваться заболевания сердца, желудка, хронический невроз, сахарный диабет, гастриты и язвы, астма и другие болезни дыхательных путей, аутоиммунные заболевания. Все вышеперечисленное безусловно лечатся в кабинете врача, а также прорабатываются на уровне психосоматики у психолога. Также что касается физических последствий, то стоит отметить ситуации, где опасность для жизни и здоровья становится реальной, ведь это, как правило, тот контент, который несет в себе конкретные угрозы и направлен конкретному адресату. Здесь необходима будет поддержка множества специалистов, таких как юристы, психологи и возможно даже врачи, если угроза повлечет за собой реальные действия со стороны агрессора.

Что касается влияния на социализацию, то зачастую подросток становится замкнутым, скрытым, отчужденным, неконтактным даже с близким кругом лиц. В целом могут наблюдаться трудности в общении, в особенности на этапе установления контакта, что ведет к самоизоляции подростка. Негативный опыт общения в интернете может привести к избеганию социальных контактов и неуверенности в реальном общении. Проявляется снижение самооценки. Так жертвы кибербуллинга могут начать сомневаться в своих способностях, внешности и социальной привлекательности, что затрудняет установление здоровых социальных связей. Все вышеперечисленное сказывается на социальной адаптации в обществе каждого участника киберагрессии.

Может развиваться девиантное и деликventное поведение, в особенности у агрессоров. К тому же у подростка могут появиться ряд зависимостей, такие как употребление алкоголя, наркотиков, курение. В

качестве примера, отклоняющееся поведение может наблюдаться уже в подростковом возрасте в проступках в виде краж, мелких хулиганствах, вандализме, нанесение ущерба имуществу и людям. И зачастую данное поведение закрепляется и уходит с ними во взрослую жизнь, что начинает представлять реальную опасность как для него самого в виде отсутствия реализации и удовлетворенности жизнью, так и для общества в виде их непредсказуемых действий против других [44].

Вариантами образовательных последствий можно выделить следующие аспекты: отсутствие мотивации к учебе, снижение общей успеваемости, снижение среднего балла оценок, нежелание ходить в школу, прогулы, отсутствие учебной активности. Подросток не чувствует себя в безопасности в стенах образовательного учреждения и учебный процесс начинает сопровождаться стрессом, тревожностью, невозможностью сконцентрироваться и запоминать материал. «Более 60% учащихся, подвергшихся кибербуллингу, сообщают о негативном влиянии этого явления на их способность учиться и чувствовать себя в безопасности в учебной среде» [55].

В целом наносится психологическая травма, которая имеет долгосрочные глубинные последствия и влияет на психику подростка. Последствия крайне тяжелые и имеют долгосрочный характер: снижение самооценки и уверенности в себе во всех сферах жизнедеятельности, психические расстройства, эмоциональная нестабильность, нарушение психического развития, ПТСР, депрессивные расстройства, суицидальные мысли и попытки самоубийства. Исследования показывают, что жертвы кибербуллинга сталкиваются с повышенным риском суицида из-за факторов, которые характерны именно для кибербуллинга, такие как анонимность, публичность и распространение, непрерывность и систематичность. Так жертве может казаться, что против него практически весь мир, ну или по крайней мере весь класс. И пережить стыд перед сообществом становится крайне тяжело в одиночку. Жертве кажется, что он один в этой борьбе – будто

никому нет дела до него, ситуация абсолютно бесконтрольна, смешанное чувство злости, обиды, стыда. Все это приводят к тому, что надежда на помощь исчезает, ситуация имеет тренд лишь ухудшения и единственный выход, который видит жертва – суицид.

Зачастую на реальные последствия в ходе кибербуллинга влияет форма, которая была использована в агрессии. Если говорить об использовании фото, видео, мемах которые являются для жертвы оскорбительными, то этот вариант является более губительным в сравнении если бы травля происходила посредством текстовых сообщений. Также влияют на последствия метод: травля через интернет более травматична, нежели травма посредством телефона. Причина здесь кроется в охвате публики как наблюдателей, так и агрессоров. Так, на взгляд жертвы, огромное количество людей становятся «свидетелями их позора» или даже соучастниками.

Кроме этого, на последствия киберагрессии влияет половая принадлежность. Безусловно, и юноши и девушки могут принимать участие, но все же есть принципиальные отличия [69]:

- Стиль агрессии. В силу наших древних историй о том, что женщины более социальные, чем мужчины, то в женском мире преобладает социальный кибербуллинг в виде интриг, слухов, клеветы и манипуляций мнениями окружающих. Для мужского мира характерна прямая агрессия в виде угроз, высказываний, вымогательств, оскорблений и т.д.

- Реакции на агрессию. Девушки зачастую более открыты в проявлении своих эмоций и могут выражать свои проблемы другим. Также они становятся более тревожными, дезадаптированы, депрессивны. Юноши же направляют эмоции вовнутрь, стремясь их подавить, что ведет к импульсивным поступкам, эмоциональным взрывам, девиантному поведению и развитию зависимостей.

- Отношение к суициду. Так как у девушек более высокий эмоциональный фон и наблюдается склонность к интернализации, то мыслей о самоубийстве их посещают чаще, чем юношей.

- Социализация. В силу своей чувствительности девушки демонстрируют чаще замкнутость и недоверие к окружению, они стремятся к самоизоляции. Юноши в свою очередь более нацелены на статус в социальной лестнице и через агрессивные действия стремятся вернуть себе значимость, тем самым возобновляя новый круг агрессии.
- Цель агрессии. Девушки чаще всего организуют кибербуллинг с целью нарушить отношения, привязанность либо для привлечения к себе внимания. Юноши же как правило устраивают борьбу за статус и власть.

Выводы первой главы

1. С точки зрения отечественных и зарубежных исследований, кибербуллинг является сложным социально–психологическим явлением, которое проявляется в цифровом пространстве. Ученые рассматривают его как специфическую социальную ситуацию, возникающую в группе или между двумя индивидами, основанную на нарушениях в социальных отношениях. Кибербуллинг – это преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и коммуникационные технологии.

2. Кибербуллинг изучается во всех странах мира и представляет собой реальную угрозу как индивидуального, так и общественного характера. Если говорить про индивида, то последствия носят психологические, физические, социальные и образовательные последствия в виде тревожности, стресса, снижения самооценки, ухудшения здоровья, девиантное поведение, употребление запрещенных веществ, снижение образовательной успеваемости и когнитивных функций, суицидальные мысли и действия и т.д. Для общества опасно девиантное, деликventное поведение и реальные действия, которые могут приносить существенный урон и угрозу для коллектива.

3. Последствия могут быть наиболее опасными для подросткового периода, так как в силу особенностей данного возраста и психофизических изменений личности они становятся наиболее уязвимы. Самоидентификация, эмоциональная нестабильность, романтизация и катастрофизация, желание иметь вес в группе и успешность – все это ведет к тому, что любые унижающие ситуации будут восприниматься как серьезные и вызывать высокие переживания, вплоть до суицидальных действий.

4. На сегодняшний день сформирована влиятельная площадка для коммуникации современных подростков – онлайн среда, которая состоит из коммуникаций посредством телефонной связи, мессенджеров, интернет-форумов, социальных сетей и т.д. Безусловно, цифровая среда, пронизывающая жизнь подростка, влияет и на его развитие, социализацию и его адаптацию к новым горизонтам.

5. Кибербуллинг схож с буллингом по глубинным мотивам, целям и причинам, которые сдвигают агрессора к действиям, а также механизмами влияния на жертву и эмоциональными последствиями, которые получают все участники процесса. Но все же киберагрессия имеет отличительные черты благодаря тому, что происходит в цифровой среде. Данные особенности делают это явление столь пагубным для его участников и не позволяет вовремя диагностировать проблему и выражены они в следующем: систематичность, анонимность, публичность и широта распространения, непрерывность и повторяемость.

6. Существуют различные формы кибербуллинга: фейкинг, троллинг, секстинг, диссинг, фрейпинг, аутинг, бойкот. Изменения в социальной ситуации современных подростков предопределяют появление новых форм кибербуллинга, которые сложнее заметить и контролировать, так как большинство форм киберагрессии проходит через социальные сети или мессенджеры, зачастую анонимно и без непосредственного контакта.

7. По-прежнему на подростка наибольшее влияние имеют 3 окружения: родительская семья, сверстники и образовательная среда. И эти три сферы

являются ключевыми в вопросах кибербуллинга среди подростков, как в его предотвращении, так и в реагировании на него.

8. Кибербуллинг включает специфическую групповую динамику, где все члены коллектива могут быть вовлечены в процесс травли, даже если они не являются активными участниками. Это создает атмосферу страха, отчужденности и изоляции для жертвы.

9. Та особенностью кибербуллинга, как анонимность, также увеличивает степень переживаний, так как жертва зачастую не знает кто именно агрессор, сколько их, кто свидетели и как они относятся к жертве, есть ли среди них тот, кто готов поддержать жертву или все объединяются против него.

10. Социально-психологические характеристики подростков-участников кибербуллинга – «жертв», «агрессоров» и «наблюдателей» – схожи: все они в разной степени вовлечены в этот процесс и испытывают психологическое влияние. Каждый из них подвержен процессу виктимизации с различным уровнем интенсивности и последствиями. «Агрессор» – это тот, кто демонстрирует вызывающее и агрессивное поведение в сети. Обычно это люди с проблемами коммуникации, низкой эмпатией и сочувствием, происходящие из семей с высоким уровнем конфликтности. «Жертва» – это подросток, который подвергается постоянным нападкам и не имеет достаточно развитых социальных навыков для адекватного ответа на них. Жертвы часто имеют более низкий социальный статус в группе и могут воспитываться в неблагоприятной семейной среде.

11. Кибербуллинг может иметь серьезные последствия на протяжении всей жизни человека, влияя на все аспекты его социализации. Поэтому необходимо более детально изучать факторы, способствующие преодолению виктимизации в ситуации кибербуллинга. Понимание этих факторов может помочь в разработке эффективных стратегий профилактики и вмешательства.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ КИБЕРБУЛЛИНГА

2.1. Организация проведения исследования

После проведенного теоретического анализа проблемы был разработан дизайн эмпирического исследования, с содержанием которого нам предстоит ознакомиться.

Исходя из нашей цели эмпирического исследования, а именно, изучение ролевого поведения подростков в ситуации кибербуллинга, что включает в себя выявление и анализ факторов социального и психологического характера, а также анализ последствий для всех участников, мы выделили план и определенные задачи по процедуре исследования:

1. Организовать выборку респондентов, подходящие под критерии возраста и пола: пол женский мужской в примерном соотношении 50% на 50%, возраст от 11 до 15 лет.

2. Рассмотреть методики и опросники для диагностики подростков по уровню их агрессии, незащищенности от кибербуллинга, уровня самооценки, а также для диагностики социального окружения в первую очередь семьи подростка.

3. Провести онлайн опросы для подростков для выявления общей буллинг структуры, форм и типологии киберагрессии, уровня самооценки, а также для диагностики коммуникаций с семьей подростка.

4. Обработать и проанализировать полученные результаты по всем группам исследования.

5. Определить отличительные особенности в контексте кибербуллинга между ролями в рамках явления (жертвы, инициаторы, помощники инициатора, защитники, наблюдатели).

Ожидаемые результаты в рамках проведения исследования, следующие:

1. Определяться роли подростков в ситуации кибербуллинга (жертвы, инициаторы, помощники инициатора, защитники, наблюдатели).
2. Выявится определенная взаимосвязь между самооценкой и занимаемой ролью в ситуации кибербуллинга.
3. Выяснится взаимосвязь между типом реакции и формой агрессии, и занимаемой ролью в ситуации кибербуллинга.
4. Продиагностируется стиль родительского воспитания в части взаимодействия подростков с родителями на поведение последних в цифровой среде.

Данный дизайн исследования позволит глубже понять социально–психологические факторы, влияющие на ролевое поведение подростков в контексте кибербуллинга, а также, по итогу разработать рекомендации для профилактики данного явления.

2.2 Методы и методики исследования

Эмпирическое исследование было проведено в форме опроса на базе интернет платформы psytests.org с использованием стандартных форм опросника с направлением ссылки на опрос каждому участнику. Респонденты принимали участия в условиях анонимности по принципу соответствия двум условиям: учащийся школы/гимназии/лицея и возрастной диапазон от 11 до 15 лет. Таким образом группа выборки составила 60 человек. Из них: 32 юноши и 28 девушек. Средний возраст 12,6 лет (Std. D.=1,2) (Приложение 1).

Для выявления социально-психологических факторов ролевого поведения подростков в ситуации кибербуллинга и достижения цели исследования и проверки гипотезы были проведены три этапа исследования.

На первом этапе исследования перед нами стояла задача выявить опыт подростков в буллинге как таковом как в офлайн пространстве, так и онлайн и в целом оценить поведение в контексте кибербуллинга. А также мы преследовали цель распределить группу выборки на основные роли,

участвующие в кибербуллинге: жертвы, инициаторы, помощники инициатора, защитники, наблюдатели. Для этого был использован авторский опросник:

1. *Опросник Е. Г. Норкиной для выявления буллинг-структуры*, предназначен для анализа ролей и позиций подростков в ситуациях буллинга, включая кибербуллинг. Этот инструмент помогает определить, как подростки воспринимают свои роли в социальной структуре, связанной с травлей, и выявить наличие насилия как со стороны сверстников, так и педагогов [47].

Опросник состоит из 25 вопросов, которые охватывают следующие аспекты:

- Инициаторы: оценивается, кто из участников является агрессором, каковы его характеристики и поведение.
- Жертвы: определяются подростки, которые становятся объектами травли и испытывают психологическое давление.
- Помощники инициатора: выявляются те, кто поддерживает агрессора и участвует в травле.
- Защитники: определяются подростки, которые выступают на стороне жертвы и пытаются ее защитить.
- Наблюдатели: оцениваются те, кто наблюдает за ситуацией, не принимая активного участия.

Таким образом, в изучении явления кибербуллинга данный инструмент позволит выявить:

- Роли: опросник позволяет определить роли подростков в контексте кибербуллинга, что помогает понять динамику взаимодействия между участниками.
- Опыт: с его помощью можно установить, кто из учащихся чаще становится жертвой или агрессором в онлайн-пространстве.

На втором этапе перед нами стояла задача выявить особенность способа реагирования на ситуацию кибербуллинга, а также на форму агрессии, которая используется, согласно ведущей роли. Для этого были использованы 2 авторских опросника:

2. *Опросник киберагрессии А. А. Шарова.* Данный опросник представляет собой адаптированный инструмент для диагностики кибербуллинга среди подростков. Он был разработан на основе англоязычного опросника CYBA и прошел процедуру валидизации для русскоязычной выборки [74]. Опросник включает 19 утверждений, распределенных по следующим шкалам:

- Имперсонация оценивает проявление имперсонации (выдача себя за другого человека в виртуальной среде).
- Секстинг выраженность сексуальной киберагрессии (секстинга).
- Вербально–визуальная киберагрессия оценивает агрессивные действия в сети (оскорбления, анонимные сообщения, комментарии, звонки, угрозы, публикацию слухов, ложные жалобы для исключения из сообществ, чатов других пользователей).
- Интегративная шкала киберагрессии

Участники оценивают утверждения по шкале Лайкерта: от "точно про меня" до "точно не про меня". Таким образом, в изучении явления кибербуллинга данный инструмент позволит собрать данные о частоте проявления киберагрессии и её формах.

3. *Опросник типология киберагрессии С. С. Антипиной* предназначен для изучения феномена киберагрессии среди подростков через их мотивационные цели и способность к поведенческому самоконтролю. Опросник включает 29 утверждений, распределенных по четырем факторам:

- Импульсивно-ответная киберагрессия: 12 утверждений, отражающих реакцию на провокации, вызванные негативными эмоциями (например, ярость).
- Произвольно-ответная киберагрессия: 6 утверждений, касающихся действий, основанных на самоконтроле и направленных на компенсацию негативных эмоций.

- Произвольно-инициативная киберагрессия: 6 утверждений, характеризующих целенаправленные действия агрессора с учетом самоконтроля.

- Импульсивно-инициативная киберагрессия: 5 утверждений, описывающих действия, совершаемые без предварительного обдумывания [2].

Участники оценивают каждое утверждение по шкале Лайкерта от 1 до 4:

1 – точно про меня

2 – скорее про меня

3 – скорее не про меня

4 – точно не про меня

Таким образом, опросник «Типология киберагрессии» является ценным инструментом для выявления индивидуальных различий в проявлении агрессивного поведения.

На третьем этапе для определения индивидуальных социально–психологических факторов, а именно уровня самооценки и влияние взаимодействия подростков с родителями, были использованы следующий авторский опросник и методика:

4. *Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской.*

Данный инструмент предназначен для оценки особенностей взаимодействия между родителями и детьми, что может быть особенно актуально в контексте кибербуллинга. Данная методика позволяет выявить влияние родительских стилей на поведение детей в интернете, включая их уязвимость к кибербуллингу [37].

Опросник является «зеркальным» и содержит две параллельные формы, которые позволяют выяснить не только оценку одной стороны (родителей), но и видение взаимодействия с другой стороны – с позиции детей. Взрослый и детский варианты опросника включают по 60 вопросов и имеют аналогичную структуру (нами использовался вариант для детей). Опросник состоит из 10 шкал:

- Нетребовательность – требовательность.

- Мягкость – строгость.
- Автономность – контроль.
- Эмоциональная дистанция – близость.
- Отвержение – принятие.
- Отсутствие сотрудничества – сотрудничество.
- Несогласие – согласие.
- Непоследовательность – последовательность.
- Авторитетность родителя.
- Удовлетворительность отношениями с ребенком (родителем).

Таким образом нам в исследовании становятся важными результаты, которые включает в себя несколько шкал, оценивающие различные аспекты взаимодействия между родителями и детьми:

- Эмоциональная поддержка: оценивает, насколько родители проявляют заботу и внимание к эмоциональным потребностям ребенка.
- Контроль и ограничение: измеряет уровень контроля со стороны родителей над поведением ребенка, включая использование технологий.
- Коммуникация: оценивает качество общения между родителями и детьми, включая обсуждение вопросов безопасности в интернете.

В изучении явления кибербуллинга данный инструмент позволит выявить:

- Стили взаимодействия в семье: Опросник оценивает, какой стиль воспитания применяют родители (авторитарный, демократический, либеральный), что может влиять на самооценку и уверенность ребенка в социальных взаимодействиях.
- Родительская поддержка: Уровень поддержки со стороны родителей может определять, насколько ребенок чувствует себя защищенным и способным справляться с агрессией в интернете.
- Коммуникация: Оценка качества общения между родителями и детьми. Открытое и доверительное общение может снизить риск участия ребенка в кибербуллинге как жертвы или агрессора.

- **Модели Поведения:** Наблюдение за агрессивным поведением родителей или сверстников может стать моделью для подражания, что повышает вероятность агрессивных действий в интернете.

Таким образом, опросник Марковской позволяет выявить ключевые социальные и психологические факторы, которые влияют на предрасположенность подростков к ролям «агрессора» и «жертвы» в контексте кибербуллинга. На основе результатов только этого опросника можно понять, как различные аспекты взаимодействия «родитель–ребенок» могут влиять на поведение детей в контексте кибербуллинга и далее позволят разработать программы для родителей, направленные на улучшение взаимодействия с детьми и обучение их вопросам безопасного поведения в интернете.

5. *Методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан* является одним из инструментов для оценки уровня самооценки у подростков, что особенно актуально в контексте кибербуллинга [52]. Эта методика позволяет выявить, как подростки воспринимают себя и свои возможности, что может влиять на их поведение в ситуациях агрессии и травли в интернете. Методика включает в себя 20 утверждений, касающихся различных аспектов самооценки и основана на шкалировании личных качеств. Респондентам предлагается на вертикальных линиях отметить определенными знаками уровень развития у них определенных качеств (самооценка) и желаемый уровень развития этих качеств (уровень притязаний), где верхняя линия символизирует наивысшее развитие, нижняя – низкое.

В адаптированной для интернета методике было предложено в каждой паре нарисованных линий в категориях оценки отметить в левом столбике как респондент оценивает развитие у себя этого качества, а в правом при каком уровне развития этого качества они были бы удовлетворены собой. Линии–столбики обозначают следующие качества:

- здоровье;

- ум, способности;
- характер;
- авторитет у сверстников;
- умение многое делать своими руками, умелые руки;
- внешность;
- уверенность в себе.

Таким образом, в изучении явления кибербуллинга данный инструмент позволит выявить:

- Уровень самооценки: Низкая самооценка часто коррелирует с повышенной уязвимостью к кибербуллингу, так как подростки с низкой самооценкой могут легче становиться жертвами агрессии.
- Влияние кибербуллинга на самооценку: Опрос может помочь понять, как опыт кибербуллинга влияет на изменение самооценки у подростков.

Как следствие, анализ результатов помогут в последствии разработать стратегии совладения с явлением кибербуллинга. Так понимание уровня самооценки может помочь психологам и педагогам разработать программы поддержки для подростков, подвергшихся кибербуллингу.

Полученные в результате опроса данные были подвергнуты статистической обработке с использованием программ Microsoft Excel 2016 и SPSS 19.0. Для расчёта были использованы инструменты непараметрической статистики:

- Регрессионный анализ для выявления предикторов проявленной роли в контексте кибербуллинга;
- Критерий Краскела–Уоллеса для выявления различий в выраженности исследуемых признаков между ролями кибербуллинга.

2.3. Результаты исследования

2.3.1. Результаты описательной статистики

На первом этапе был проведен расчет средних значений по исследуемым признакам (шкалам).

Результаты исследования по методике «Опросник Е. Г. Норкиной для выявления буллинг-структуры» по соотношению ролей буллинга в группе, отражены на рисунке 1.

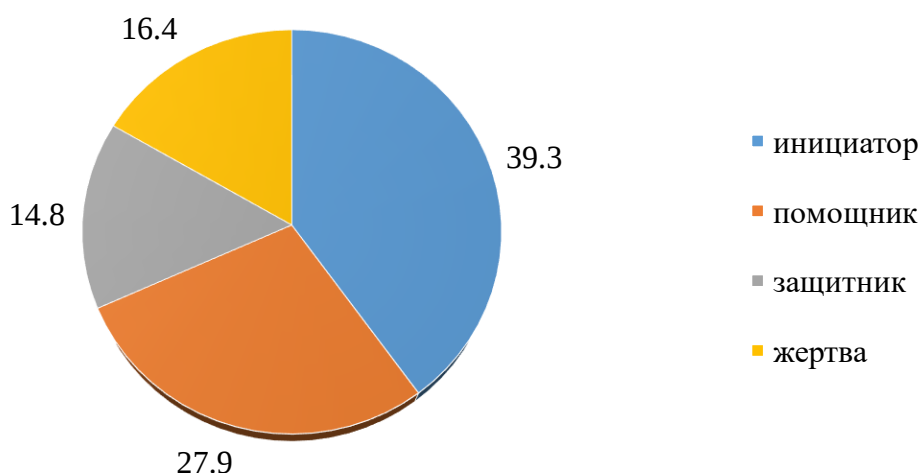

Рисунок 1. Диаграмма процентного распределения выбора подростками ролей в ситуации кибербуллинга

Из рисунка 1 видно, что в группе выборки: на первом месте в буллинг-структуре ролевая позиция инициатора; на втором – помощника инициатора, на третьем – жертвы, на четвертом – защитника.

Также данные показатели означают, что в группе преобладают ролевые позиции инициатора и помощника инициатора, что свидетельствует о высоком потенциале общей агрессивности, тенденции нападать не только на своих жертв, но возможно и на педагогов в офлайн пространстве, а в онлайн пространстве, вероятно, на пользователей, которые могут быть абсолютно не знакомы агрессору. Ролевая позиция защитника, отражающая авторитетных подростков, которые реже всех проявляют кибербуллинг по отношению к сверстникам и реже подвергаются кибербуллингу выражена менее других ролевых позиций. Также мы видим, что среди опрошенных отсутствовали

наблюдатели, таким образом в контексте нашего исследования данная роль не будет изучаться.

Результаты исследования по методике «Опросник киберагрессии А.А. Шарова», отражены в таблице 1.

Таблица 1

Средние значения по шкалам, отражающим формы киберагрессии

Названия шкал	Среднее значение	Стандартное отклонение
Секстинг	9,528	4,2303
Имперсонация	6,100	2,7782
Вербально–визуальная	29,383	12,5186
Интегративная шкала	45,067	12,2376

Из таблицы 1 видно, что наиболее выражены такие формы агрессии, как «вербально-визуальная», на втором месте «секстинг», на третьем «имперсонация». Это означает, что подростки группы выборки предпочитают использовать словесные и визуальные формы агрессии в процессе кибербуллинга. Уровень агрессии по интегративной шкале средний.

Результаты исследования по методике «Опросник Типология киберагрессии С. С. Антипиной», отражены в таблице 2.

Таблица 2

Средние значения по шкалам, отражающим типы киберагрессии подростков в ситуациях буллинга

Названия шкал	Среднее значение	Стандартное отклонение
Импульсивно–ответная	13,133	6,2232
Произвольно–ответная	8,783	2,1870
Произвольно–инициативная	11,617	2,6750
Импульсивно–инициативная	11,517	4,4550
Показатель проявления киберагрессии (общий)	45,050	9,8642

Примечание: бóльшее значение по шкале означает меньшую степень проявления агрессии.

Из таблицы 2 видно, что в группе выборки: по шкале «импульсивно–ответный тип» агрессии набрано количество баллов, соответствующее низкому уровню; по шкале «произвольно–ответный тип» набрано количество баллов, соответствующее высокому уровню данного типа агрессии; по шкале «произвольно–инициативная» набрано количество баллов, соответствующее

низкому уровню данного типа агрессии; по шкале «импульсивно–инициативная» набрано количество баллов, соответствующее низкому уровню данного типа агрессии;

Полученные результаты свидетельствуют о том, что:

- в группе подростков преобладают реакции произвольно–ответного типа, когда ответная реакция на провокации других пользователей интернет–пространства, вызвана негативным эмоциональным состоянием агрессора (ярость);
- все остальные типы реакций в группе слабо выражены;
- общий показатель проявления киберагрессии в группе подростков среднего уровня.

Результаты исследования по методике «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской (оценка проводилась детьми по отношению к матери) отражены в таблице 3.

Таблица 3

Средние значения по шкалам, отражающим взаимодействие детей и родителей (стандартизированные значения)

Названия шкал	Среднее значение	Стандартное отклонение
Нетребовательность– требовательность	43,667	28,8753
Мягкость–строгость	35,000	25,2781
Автономность–контроль	48,667	30,3910
Эмоциональная дистанция– близость	44,333	26,6405
Отвержение–принятие	43,667	29,9699
Сотрудничество низкое– высокое	44,667	29,6572
Несогласие–согласие	37,167	29,5211
Непоследовательность– последовательность	48,167	29,9430
Авторитетность родителя	47,500	29,0893
Удовлетворительные – неудовлетворительные отношения с ребенком	38,000	27,3583

Примечание: низкий уровень–0–30, средний–31–69, высокий 70–100.

Из таблицы 3 видно, что в группе выборки:

- на первом месте стили «автономность-контроль» и

«непоследовательность-последовательность», «авторитетность родителя»;

- на втором «сотрудничество», «эмоциональная дистанция-близость»;
- «нетребовательность-требовательность», «отвержение-принятие»;
- на третьем «удовлетворительные отношения с ребенком-неудовлетворительные отношения с ребенком», «несогласие-согласие»
- на последнем месте «мягкость-строгость».

Все стили общения в группе находятся в интервале средней выраженности. Уровень стратегии «мягкость строгость» более приближен к низкому по сравнению с остальными, что означает, что дети–подростки оценивают отношения и воспитательные позиции родителей как отсутствие строгости применяемых мер, что обуславливает, в свою очередь, недостаточную жесткость в соблюдении детьми установленных правил во взаимоотношениях между родителями и детьми, отсутствие принуждения детей к чему–либо.

Мягкость в отношениях с детьми играет положительную роль, если сочетается с эмоциональной близостью и принятием.

Результаты исследования по методике «Опросник измерения самооценки Дембо–Рубинштейна», отражены в таблице 4.

Таблица 4

Средние значения по шкалам, отражающим уровень самооценки подростков

Названия шкал	Среднее значение	Стандартное отклонение
Низкая уверенность– высокая уверенность в себе	6,433	2,9074
Неумный–умный (неспособный–способный)	7,3667	1,51788
Здоровье плохое–хорошее	6,8000	1,43562
Низкая общительность– высокая общительность	5,6667	1,05230
Низкий авторитет у сверстников – высокий авторитет у сверстников	5,9000	2,28258
Хороший характер – плохой характер	5,5333	1,96983
Внешность плохая– хорошая внешность	4,65	2,5510

Примечание: 0–5 заниженная, 5,2–6,5 средняя, 6,6–7,9 высокая, 8,0–10 завышенная.

В соответствии с таблицей 4 на рисунке 2 отражено соотношение средних значений по шкалам самооценки.

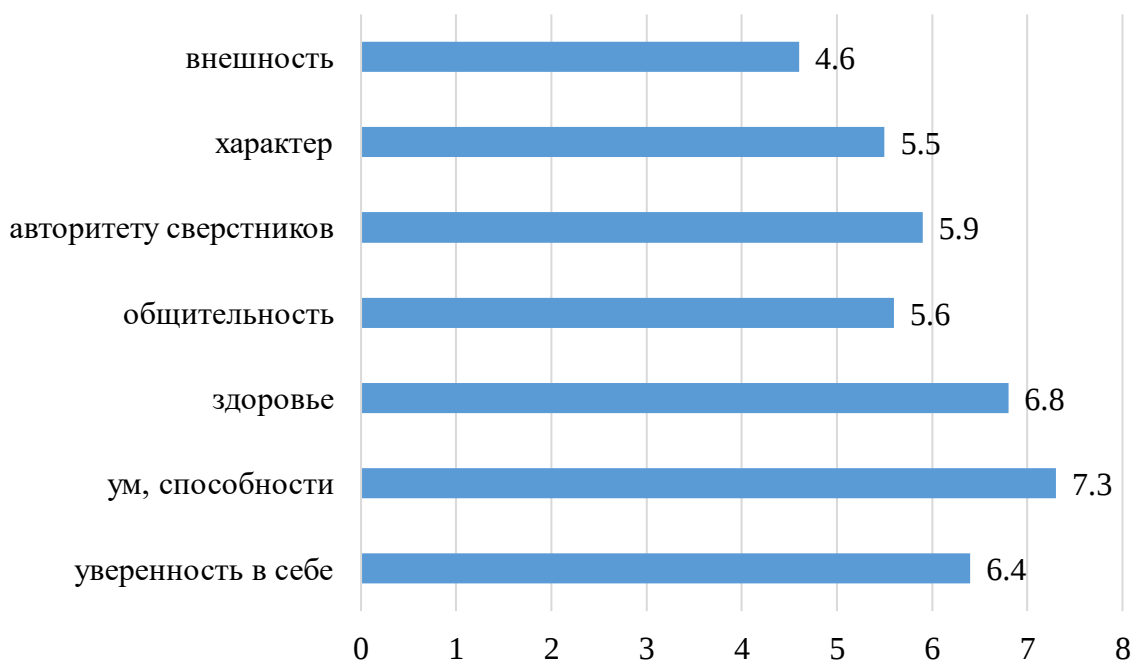

Рисунок 2. Гистограмм средних значений по шкалам Дембо–Рубинштейна

Из рисунка 2 видно, что в группе выборки:

- самые низкие значения по шкалам оценки «внешности» что соответствует уровню заниженной самооценки;
- самые высокие значения по шкалам оценки «ума и способностей», и «здоровье», что соответствует уровню высокой самооценки;
- все остальные шкалы находятся в интервале от 5 до 6,4 баллов, то соответствует уровню средней самооценки;
- шкал с завышенной самооценкой в группе выборки нет.

Полученные показатели отражают среднюю самооценку по большинству из шкал.

Резюмируя вышесказанное, мы видим, что в структуре кибербуллинга группы преобладают ролевые позиции инициатора и помощника инициатора, данные роли отражают высокую опасность агрессивных действий, поскольку инициаторы организуют ситуацию кибуллинга, а помощники являются непосредственными исполнителями агрессивных действий. Также видно, что подростки группы склонны наиболее часто применять произвольно-ответный

тип кибербуллинга, который предполагает действия, основанные на самоконтроле, призванные компенсировать негативные эмоциональные эффекты, вызванные поведением партнера по интернет-коммуникациям, в том числе осуществлять месть. Кибербуллинг подростками группы осуществляется преимущественно, в визуально-вербальной форме или посредством словесных оскорблений и пересылки зрительно воспринимаемых «картинок». Также важно отметить, что в выборке нет шкал завышенной самооценки, что означает вероятное отсутствие чувств доминирования и превосходства, из которых также может исходить первопричина киберагрессии как способа восхваления себя.

2.3.2 Результаты сравнительного анализа

Важно отметить, что после проверки общих данных подчинению нормальному закону распределения, было выявлено, что подчинение отсутствует. Следовательно, было принято решение по использованию медиан вместо средних значений для дальнейшего исследования.

Таким образом, на втором этапе исследования мы провели анализ с помощью критерия Краскела–Уоллиса для независимых выборок. Результаты анализа с использованием данного критерия для ролей в кибербуллинге (жертва, инициатор, помощник инициатора, защитник) могут предоставить ценные сведения о различиях в социально–психологических характеристиках подростков, вовлеченных в киберагрессию. Этот непараметрический метод позволил нам сравнить несколько групп и выявлять статистически значимые различия между ними. Результат вы видите в таблице 5.

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа

Показатели	Н-Краскела-Уоллеса	Уровень значимости	Роли			
			Инициатор	Помощник	Защитник	Жертва
Имперсонационный тип реакции (опросник киберагрессии)	18,693	0,000	36,06	19,18	21,61	44,40
Вербально-визуальный тип реакции (опросник киберагрессии)	36,338	0,000	21,38	45,97	45,06	13,00
Интегративная шкала (опросник киберагрессии)	29,567	0,000	23,04	43,18	45,44	13,40
Импульсивно-Инициативная реакция (опросник типология киберагрессии)	26,124	0,000	24,31	42,85	42,89	13,20
Общий показатель киберагрессии (опросник типология киберагрессии)	12,751	0,005	26,19	38,71	40,00	18,35
Требовательность (опросник взаимодействие родитель – ребенок)	9,502	0,023	36,60	21,35	25,44	35,95
Контроль (опросник взаимодействие родитель – ребенок)	8,928	0,030	36,40	25,59	18,89	35,15
Уверенность в себе (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	26,038	0,000	24,81	44,29	39,00	13,05
Авторитет у сверстников (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	26,523	0,000	25,27	41,21	44,83	11,95
Характер (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	25,280	0,000	27,90	41,65	39,67	9,55

Примечание: указаны данные, где $p < 0,05$, то свидетельствует о наличии статистически значимых различий между группами.

Из таблицы 5 видно, что наиболее выражены такие формы агрессии, как «вербально–визуальная» (случаи столкновения с оскорблениями и унижениями в сети), и «имперсонация» (случаи, где кто–то выдавал себя за другого в интернете.). Это означает, что подростки группы выборки предпочитают использовать словесные и визуальные формы агрессии в процессе кибербуллинга, а также заниматься фейкингом. Также результаты анализа показывают, что согласно полученным данным по опроснику киберагрессии А. А. Шарова те подростки, кто проявляется в роли жертвы, чаще в ситуации кибербуллинга сталкиваются чаще с имперсонацией как формой киберагрессии. То есть это ситуации, когда агрессор выдает себя за них и действует как бы от их лица, тем самым унижая достоинство и распространяя порочащую информацию. При этом данная форма присуща и инициаторам. А вот помощники инициатора напротив, чаще отказываются от данной формы агрессии. Вероятно, по причине того, что это является стартом к агрессии, проявление инициативы и требует много действий, что им несвойственно. Помощники инициатора, согласно результатам, отдают предпочтение вербально-визуальной агрессии, используя оскорбления и унижения в формате текстов, видео, картинок. По сути, как продолжение агрессии, которую затеял инициатор. Жертвы же, напротив, избегают использования уничижающего вербально-визуального инструмента в своих действиях. Также мы можем интерпретировать данные по интегративной шкале киберагрессии для понимания динамики ролей подростков в ситуациях кибербуллинга. Так анализ результатов по этой шкале позволяет сделать вывод о том, что наиболее высокий уровень вовлеченности в агрессивное поведение у помощников инициатора агрессии и защитников. Что касается защитников, вероятно в них просыпается данная роль именно в ситуации киберагрессии и само действие защиты требует высокую активность от данной роли. Менее вовлеченными являются жертвы, они, безусловно, редко заинтересованы в том, чтобы получать агрессию в свою сторону и стараются всеми способами избежать конфликтов.

Результаты исследования по опроснику типология киберагрессии С. С. Антипиной также в таблице 5 видно, что в группе выборки значимым различием по типам киберагрессии является выбор типа реакции на кибербуллинг «импульсивно–ответный тип». Высокие значения у защитника и помощника инициатора, что свидетельствует о том, что ими руководит ярость, реакции более эмоциональные, происходят в моменте, импульсивно. Жертве же менее свойственный данный тип, вероятно по тому, что ведущим фактором все же становится эмоциональное избегание, в том числе и от внутренних переживаний, поэтому импульсивный ответ как, по сути, серьезный отпор они дать в моменте не могут. Также по шкале показатель киберагрессии мы видим аналогичный вывод с опросником А. А. Шарова, а именно, что защитник имеет высокий уровень вовлеченности в агрессивное поведение как реагирование на агрессию в том числе, а наименее вовлеченным в реакции на агрессию являются жертвы.

Результаты исследования по методике «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской (оценка проводилась детьми) также отражены в таблице 5. Инициаторы имеют более требовательных, согласно их ответам, матерей, а также более контролирующих. Что может свидетельствовать о том, что проявление этих аспектов может, вероятно, проходить в строгой манере с элементами насилия (как эмоционального, так и физического). И, таким образом, инициатор может в некотором смысле копировать ту атмосферу и модель поведения, которые царят у них дома. При этом помощники имеют более низкий показатель по требовательности. Вероятно, по причине того, что помощник чаще присоединяется к инициатору в поисках одобрения, подстраивается. И такая же модель поведения используется и в коммуникациях с матерью. И тогда излишняя требовательность становится менее актуальной. По аспекту контроля меньше требований к защитникам, что говорит, вероятнее всего о высокой уверенности и самоорганизации подростка, и высокий контроль со стороны родителя становится излишним.

Результаты исследования по методике «Опросник измерение

самооценки Дембо-Рубинштейна», также отражены в таблице 5. В соответствии с таблицей 5 отражено, что помощники инициатора описывают чаще всего себя как уверенным в себе и высоко оценивают свой характер. Помощники инициаторов часто находятся под влиянием группы сверстников, что может способствовать формированию их уверенности. Участие в киберагрессивных действиях может восприниматься как способ завоевания статуса и одобрения со стороны группы. Это создает у подростков ощущение значимости и уверенности в своих действиях, что и отражается на их самооценке. Как уже упоминалось, помощники инициаторов имеют более низкий показатель требовательности со стороны матерей по опроснику Марковской. Это может означать, что они выросли в среде, где их поведение не подвергается строгой критике, что способствует формированию уверенности в себе.

Показатели высокого авторитета выявлены у защитников, так как они занимают активную позицию в своей социальной группе, что позволяет им выстраивать положительные отношения с другими подростками. Когда они выступают на стороне жертв и защищают их, это может укреплять их статус среди сверстников. Их действия могут восприниматься как проявление смелости и справедливости, что также способствует росту их авторитета.

Как показывают различные исследования, жертвы киберагрессии часто имеют низкую самооценку. Это может быть связано с постоянным критическим отношением со стороны окружающих, а также с внутренними убеждениями о своей недостаточности. Низкая самооценка может порождать чувство неуверенности, слабохарактерность и страх перед общением с другими, что делает подростков менее авторитетными в глазах сверстников.

2.3.3 Результаты регрессионного анализа

Метод регрессии позволяет исследовать взаимосвязи между переменными и выявлять факторы, влияющие на ролевое поведение

подростков. В рамках исследования мы проводили данный анализ по всем 4 ролям: жертва, защитник, инициатор и помощник инициатора.

Результаты исследования отражены в таблице 6.

Таблица 6

Регрессионный анализ переменной «Инициатор»

Параметры модели			Параметры предикторов		
F– критерий, F	Уровень значимости модели , p	Общая объясняющая дисперсия, R^2	Наименование предиктора	Коэффициент регрессии , β	Уровень значимости и бета, p
15,738	0,000	71,2%	Секстинг (опросник киберагрессии А. А. Шарова)	0,341	0,003
			Имперсонация (опросник киберагрессии А. А. Шарова)	0,450	0,000
			Интегративная шкала (опросник киберагрессии А. А. Шарова)	–0,838	0,000
			Импульсивно–ответная реакция (опросник типология Киберагрессии С. С. Антипиной)	0,174	0,049
			Последовательность (опросник взаимодействие родитель – ребенок И.М. Марковской)	0,158	0,044
			Авторитет у сверстников (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	–0,292	0,037
			Характер (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	0,537	0,001
			Внешность (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	–0,223	0,008

Анализируя данные в таблице, мы можем сказать, что основными предикторами выбора роли инициатор становятся те факты, что:

1. Инициатор может использовать как ведущий тип киберагрессии секстинг (отправка или получение сексуально откровенных сообщений) и имперсонацию (выдача себя за другого человека). Вероятно, потому, что киберпространство предоставляет инициаторам возможность действовать анонимно, что создает ощущение безнаказанности. Это позволяет инициаторам свободно использовать секстинг и имперсонацию, не опасаясь последствий в виде наказания. В том числе использование имперсонации

позволяет инициаторам манипулировать жертвами, создавая ложные идентичности или выдавая себя за других людей.

2. По значению интегративной шкалы киберагрессии можно сказать, что уровень включенности самого инициатора в кибербуллинг довольно низкий, ведь ему интересна первичная агрессия, «напасть», а дальше интерес, как правило пропадает и инициатор идет за «новой жертвой».

3. С точки зрения реакций использует импульсивно–ответную реакцию, то есть реагирует яростно, молниеносно, не обдумывая последствия и содержание материала коммуникации, что говорит о том, что снижен уровень эмпатии и в целом чувствительность к социальным взаимодействиям. Таким образом, инициаторы киберагрессии часто имеют низкий уровень самоконтроля и высокую возбудимость, судя по их реакции. Это может приводить к импульсивному поведению, включая использование секстинга и имперсонации как способов немедленного удовлетворения своих потребностей в признании или доминировании, о которых говорили ранее.

4. В отношениях с родителем (матерью) выделяется последовательность. Это может проявляться в высоких ожиданиях от подростка, что может побуждать их к стремлению выделяться среди сверстников. В таких условиях подростки могут развивать агрессивные стратегии поведения как способ достижения одобрения и признания.

5. Инициаторы киберагрессии часто описывают себя как уверенных в характере, но при этом не высоко оценивающих внешность по методике Дембо–Рубинштейн. Ведущими стимулами мы выделяем стремление к доминированию, социальное одобрение, низкий уровень эмпатии. Это все проявляется чаще всего в стремлении проявляться в агрессивных действиях, которые помогают им утвердиться в группе. И таким образом, вероятно инициатор оценивает свой характер как сильный. Но при этом в агрессию, как правило, инициатор идет, как правило, компенсируя черты своей внешности, а также с целью завоевать авторитет среди сверстников и самоутвердиться в своей привлекательности – именно эти предикторы, вероятно, толкают его на

агрессивные выпады.

Результаты исследования по зависимой переменной помощник инициатора отражены в таблице 7.

Таблица 7

Регрессионный анализ переменной «Помощник инициатора»

Параметры модели			Параметры предикторов		
Ф– критерий, F	Уровень значимости модели, p	Общая объясняющая дисперсия, R^2	Наименование предиктора	Коэффициент регрессии, β	Уровень значимости и бета, p
19,318	0,000	64,1%	Секстинг (опросник киберагрессии А. А. Шарова)	–0,430	0,001
			Имперсонация (опросник киберагрессии А. А. Шарова)	–0,560	0,000
			Интегративная шкала (опросник киберагрессии А. А. Шарова)	0,953	0,000
			Принятие (опросник взаимодействие родитель – ребенок И.М. Марковской)	–0,221	0,019
			Характер (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	–0,477	0,007

Анализируя данные в таблице, мы можем сказать, что основными предикторами выбора роли помощника инициатора становятся те факты, что:

1. Помощник инициатора, напротив, в отличие от инициатора избегает секстинг и имперсонацию. Вероятно, потому, что помощники зачастую действуют более открыто, и у них есть определенный страх за свои действия, и настолько унижать жертву они не готовы.

2. По интегративной шкале киберагрессии имеет высокий балл, что говорит о высоком уровне включенности в кибербуллинг, ведь в отличие от инициатора, помощник существует лишь в поле продолжения агрессии, в стиле. Закончится преследование жертвы, и помощник перестанет обладать своей ролью.

3. Низкий уровень принятия со стороны родителя (матери), выделенный у помощников говорит о том, что, вероятно, у них низкий уровень

эмоциональной близости между родителем и ребенком. Если родитель не проявляет достаточной эмоциональной поддержки и понимания, это может вызвать чувство отвержения у ребенка и подвигнет его к участию в киберагрессивных

4. В отличие от инициатора, помощник напротив имеет низкую уверенность в своем характере, что и ведет его в агрессивные действия. В первую очередь для самоутверждения и присоединения к более сильному союзнику – инициатору. И, конечно, начиная сравнивать себя с зачинщиком, помощник оценивает себя крайне неудовлетворительно.

Результаты исследования по зависимой переменной защитник отражены в таблице 8.

Таблица 8

Регрессионный анализ переменной «Защитник»

Параметры модели			Параметры предикторов		
F– критерий, <i>F</i>	Уровень значимости модели, <i>p</i>	Общая объясняющая дисперсия, <i>R</i> ²	Наименование предиктора	Коэффициент регрессии, <i>бета</i>	Уровень значимости и бета, <i>p</i>
23,996	0,000	29,3%	Интегративная шкала (опросник киберагрессии А. А. Шарова)	0,541	0,000

Анализируя данные в таблице, мы можем сказать, что основными предикторами выбора роли защитник становится тот факты, что вероятно в них просыпается данная роль именно в ситуации киберагрессии в столкновении, и само действие защиты требует высокую степень агрессии именно от данной роли.

Таблица 9

Регрессионный анализ переменной жертва

Параметры модели			Параметры предикторов		
F– критерий, F	Уровень значимости модели, p	Общая объясняющая дисперсия, R^2	Наименование предиктора	Коэффициент регрессии, β	Уровень значимости и бета, p
79,451	0,000	81,0%	Импульсивно–ответная реакция (опросник типология Киберагрессии С. С. Антипиной)	–0,150	0,038
			Уверенность (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	–0,570	0,000
			Характер (опросник измерение самооценки Дембо–Рубинштейна)	–0,296	0,004

Анализируя данные в таблице, мы можем сказать, что основными предикторами выбора роли жертвы становятся те факты, что:

1. Жертвы избегают тип реакции импульсивно–ответный. Они, вероятно, не могут ответить обидчику мгновенно, боясь еще большей агрессии. Чаще всего они замыкаются в себе, держат эмоции внутри и пытаются сбежать в конфликте в тех моментах, когда «накаляются страсти».

2. Жертвы киберагрессии, согласно исследованиям, часто описывают себя как неуверенных в себе и крайне низко оценивают свой характер по методике Дембо–Рубинштейн. Получается замкнутый круг: я не уверен в себе, считаю себя слабохарактерным, и боюсь дать отпор обидчика, соразмерный их агрессии, поэтому убегаю от них. И из-за этого снова считаю себя неуверенным.

2.4. Рекомендации по профилактике кибербуллинга

На сегодняшний день в мире существует множество программ, направленных на борьбу с кибербуллингом. Каждая из этих программ адаптирована к специфике восприятия этого явления в различных странах и

даже в отдельных школах, где они внедряются и тестируются. В международной практике, например, активно используются программы против киберагрессии, такие BGCM (Barlett and Gentile Cyberbullying Model). Эти модели включают в себя меры первичной, вторичной и третичной профилактики, что позволяет комплексно подходить к решению проблемы кибербуллинга.

Мы предлагаем свою программу противодействия кибербуллингу, которую можно внедрить в образовательные учреждения как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Она включает мероприятия, направленные на снижение виктимизации подростков в условиях кибербуллинга. Основные методы программы будут направлены на информирование, проведение психологических тренингов и поддержку жертв киберагрессии. В рамках информирования предполагается обучение педагогов, родителей и школьной администрации о кибербуллинге и факторах, способствующих виктимизации подростков. Тренинги же будут направлены на аудиторию подростков, склонных к виктимному поведению, с целью формирования устойчивости к кибербуллингу. Психологическая поддержка будет заключаться в предоставлении помощи жертвам кибербуллинга и обучение их эффективным стратегиям противодействия.

Эта программа направлена на предотвращение кибербуллинга и создание более безопасного образовательного пространства для всех учащихся. Основные мероприятия программы можете увидеть на рисунке 3.

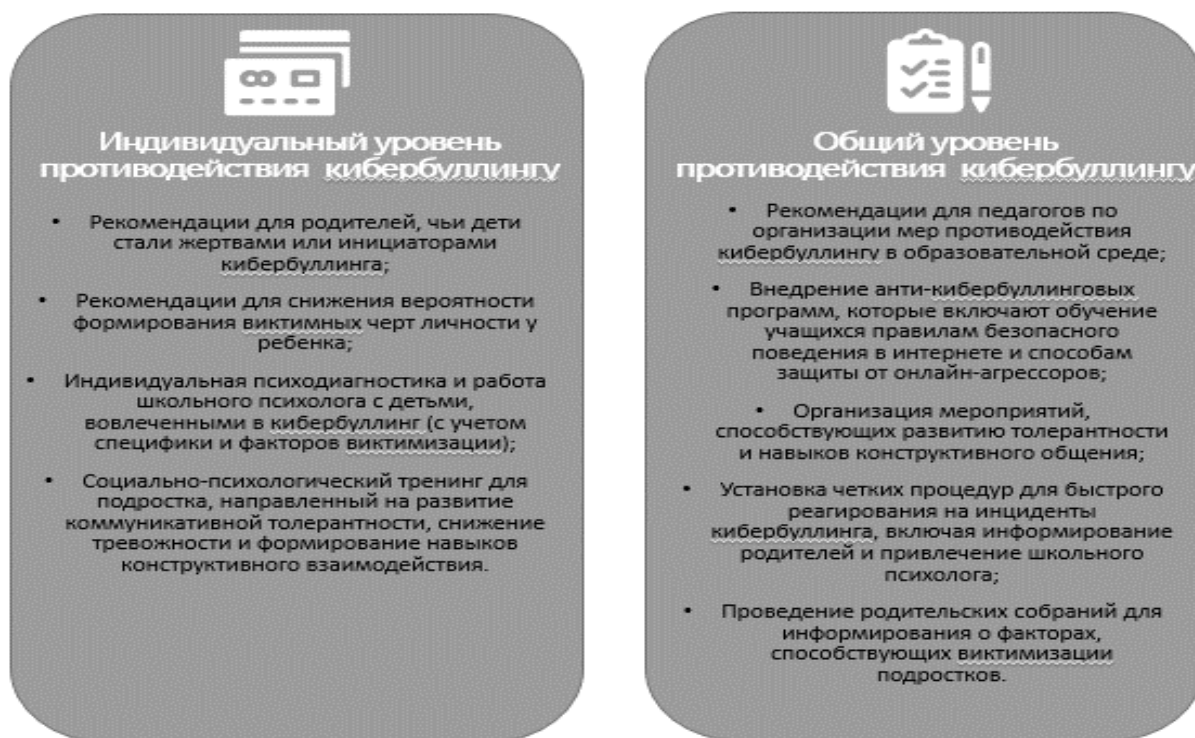

Рисунок 3. Социально-психологическая программа анти-кибербуллинг для возможного снижения факторов виктимизации подростков

Далее, опираясь на результаты исследования, выявившего ключевые факторы виктимизации подростков в условиях кибербуллинга, мы разберем каждый аспект программы анти-буллинга и приведем конкретные рекомендации по действиям участников мероприятий.

Рекомендации для родителей, чьи дети стали жертвами или агрессорами кибербуллинга.

Как мы увидели из исследования, жертвами часто становятся те подростки, чьи родители дистанцированы от них эмоционально, а также имеют тенденции к непоследовательному воспитанию и высоким требованиям. Поэтому крайне необходимо изменить данную тенденцию и говорить с ребенком о его переживаниях. Для этого необходимо внедрить следующие рекомендации для родителей жертв:

1. Оказать атмосферу поддержки и открытого общения. Признать, что проблема существует, понять его чувства и продемонстрировать, что он не одинок в этом. Убедите его, что ситуация под контролем и что вы готовы помочь.

2. Создать общую долгосрочную безопасную среду. Обеспечьте ребенку чувство безопасности, любви и принятия. Выделить сильные стороны и качества подростка, которые помогут справиться с ситуацией.

3. Обучить правилам поведения в интернете. Объяснить подростку важность культуры общения в сети. Научить реагировать на негативные комментарии тактично и конструктивно, как скрывать нежелательные комментарии и блокировать агрессоров.

4. Действовать незамедлительно в случае травли: если подросток стал жертвой кибербуллинга, необходимо сообщить об этом в администрацию социальной сети или учебного заведения. Если есть необходимость обратиться в полицию.

5. Исключить контакты с агрессором. При необходимости заблокировать обидчиков и изменить настройки конфиденциальности в социальных сетях.

6. Обратиться за профессиональной помощью к психологу.

7. Обсудить и нейтрализовать последствия кибербуллинга. Необходимо объяснить о том, как кибербуллинг может влиять на эмоциональное состояние и самооценку. Внедрите активности по работе с самооценностью.

Рекомендации для родителей, чьи дети стали агрессорами кибербуллинга:

1. Проводить открытое общение с подростком на тему его поведения в интернете. Выяснить в атмосфере доверия, что могло подтолкнуть его к агрессивным действиям.

2. Обсудить текущие и возможные последствия его действий как для жертв, так и для него самого. Подчеркнуть, что кибербуллинг может приводить к серьезным эмоциональным и юридическим последствиям.

3. Развивать эмпатию с целью понять чувства других людей.

4. Обучить цифровой грамотности и основам безопасного и уважительного поведения в сети. Разъяснить поле ответственности за свои слова и действия в интернете.

5. Поддержать подростка в участии в позитивных онлайн–инициативах и проектах, которые способствуют дружбе и сотрудничеству.

6. Внедрить контроль за онлайн–активностью. Установить правила по использованию социальных сетей.

7. Обратиться за профессиональной помощью к психологу.

8. Стать примером уважительного отношения эмпатичного человека. Исходя из исследования, мы сделали вывод о том, что для подростка авторитетной фигурой чаще всего является отец. Таким образом он будет равняться на ту модель поведения, которую он транслирует в своих коммуникациях.

Для всех участников кибербуллинга, да и в целом для профилактики данного явления есть необходимость проводить мероприятия по снижению вероятности развития виктимных черт личности у подростка. Эти рекомендации могут быть адаптированы в зависимости от индивидуальных потребностей подростка и его окружения:

- Развитие самосознания и уверенности. Подросткам важно осознать свои мысли и эмоции, а также паттерны поведения, связанные с виктимностью. Это включает в себя анализ своих реакций и развитие наблюдательности. Также необходимо научить подростков эмоциональному интеллекту и позитивному мышлению с целью переориентации мыслей на позитивные аспекты жизни, отмечая свои достижения и ресурсы.

- Обучение социальным навыкам взаимодействия через эффективное общение и своевременную установку здоровых границ.

- Создание поддерживающей среды со стороны семьи и общества. Такой среды, где подростки чувствуют себя поддержанными и уважаемыми, что способствует формированию позитивного самоощущения.

- Образовательные мероприятия с целью раскрытия потенциала подростка и, как следствие, укрепление личности, созданию нового поля интересов и коммуникаций.

- Коррекционная работа через психологическое изменение негативных эмоциональных проявлений и стереотипов самоопределения.

- Участие в тренингах по развитию коммуникативных навыков и безопасного поведения в интернете. А также фасилитация как обучение навыкам поведения в нестандартных ситуациях в виде работы в кейсах. Например, подростков на примере воссозданных кейсов обучают тому, как правильно реагировать в потенциально опасных ситуациях, что поможет им избежать роли жертвы в реальной жизни.

Следующим участником нашей социально–психологической программа анти–кибербуллинга является педагог–психолог. Мы выбрали различные психологические теории, которые могут оказать значительное влияние на профилактику кибербуллинга. Вот несколько ключевых подходов:

- Социально–эмоциональное обучение (SEL): Эта теория акцентирует внимание на развитии эмоционального интеллекта, эмпатии и навыков саморегуляции. Программы SEL помогают детям понимать и управлять своими эмоциями, что снижает вероятность агрессивного поведения в интернете.

- Теория привязанности: Установление крепких и доверительных отношений между родителями и детьми может снизить риск вовлечения в кибербуллинг. Психологические исследования показывают, что дети с сильными эмоциональными связями с родителями менее подвержены травле как со стороны агрессоров, так и в роли жертв.

- Когнитивно–поведенческая терапия: Этот подход фокусируется на изменении негативных мыслительных паттернов, которые могут способствовать агрессивному поведению. Обучение детей конструктивным способам реагирования на конфликты и стрессовые ситуации может помочь предотвратить кибербуллинг.

- Теория социальной идентичности: Понимание групповой динамики и идентичности может помочь подросткам осознать, как их поведение в сети может влиять на других. Обучение толерантности и уважению к различиям способствует созданию более безопасной онлайн–среды.

- Модели ненасильственного общения: Эти подходы учат детей эффективным методам разрешения конфликтов без использования агрессии. Обучение навыкам активного слушания и конструктивного диалога может снизить уровень кибербуллинга среди подростков.

Проводимое исследование и полученные результаты вдохновили нас на формирование тренинговой программы социально–психологической направленности для подростков, с целью развития коммуникативной толерантности, снижение тревожности и формирование навыка конструктивной коммуникации. Тренинг представляет собой комплекс мероприятий, включающих различные методы и упражнения. Основная цель такого тренинга – создание комфортной психологической среды, способствующей развитию уверенности в себе и улучшению межличностных отношений среди подростков.

Цели тренинга:

1. Развитие коммуникативной толерантности через формирование навыков активного слушания и обучение конструктивному разрешению конфликтов. Основным инструментом будут представлены упражнения на эмпатию и понимание других.

2. Снижение тревожности через использование дыхательных техник и методов релаксации для управления стрессом. Также возможно внедрить игровые методы и арт–терапию для выражения эмоций.

3. Формирование навыков конструктивной коммуникации: ролевые игры для практики общения в различных ситуациях, вызывающих тревогу, с дальнейшим групповым обсуждением темы.

Методы и упражнения:

- Игровые методы: Использование игр для создания безопасной атмосферы, где подростки могут свободно выражать свои мысли и чувства.
- Психогимнастика: Упражнения на снятие напряжения и развитие самоосознания, которые помогают подросткам лучше понимать свои эмоции и реакции.
- Арт–терапия: Творческие задания, позволяющие подросткам визуализировать свои страхи и переживания, что способствует их осознанию и преодолению.
- Дыхательные техники: Упражнения на дыхание для снижения уровня тревожности и улучшения концентрации.
- Ожидаемые результаты после тренинга:
 - Повышение уверенности в себе и своих коммуникативных навыках.
 - Снижение уровня тревожности, что позволит подросткам более эффективно справляться с социальными ситуациями.
- Улучшение межличностных отношений в группе, создание позитивного психологического климата.

Считаем, что социально–психологический тренинг для подростков может стать важным инструментом в работе с повышенной тревожностью и недостатком коммуникативных навыков. Он поможет не только снизить уровень стресса, но и развить необходимые навыки для успешного взаимодействия с окружающими. Мы знаем, что мы не уникальны в своем предложении, поэтому важно, чтобы подобного рода тренинги проводились регулярно и включали разнообразные методы работы для достижения наилучших результатов. Наше предложение, чтобы этот инструмент был включен в том числе в анти-кибербуллинговую программу учебного заведения.

Выводы второй главы

Так, в процессе проведенного эмпирического исследования было установлено:

1. В структуре кибербуллинга группы преобладают ролевые позиции инициатора и помощника инициатора, данные роли отражают высокую опасность агрессивных действий, поскольку инициаторы организуют процесс кибербуллинга, а помощники являются непосредственными исполнителями агрессивных действий.

2. Подростки как группы агрессоров склонны наиболее часто применять импульсивно–ответный тип кибербуллинга, который предполагает действия, основанные на неконтролируемых реакциях, часто на вспыльчивости и ярости. Жертвы, напротив, избегают данный тип реакции, так как, вероятно, считают, что импульсивные реакции приведут еще к большей агрессии. Поэтому стараются избегать ярких эмоций в проявлениях и убегают от конфликтов.

3. Наиболее выражены по группе испытуемых такие формы агрессии, как «вербально–визуальная» (случаи столкновения с оскорблениями и унижениями в сети), и «имперсонация» (случаи, где кто–то выдавал себя за другого в интернете.). Это означает, что подростки группы выборки предпочитают использовать словесные и визуальные формы агрессии в процессе кибербуллинга, а также заниматься фейкингом. Но кибербуллинг подростками инициаторами осуществляется преимущественно в формате секстинга и имперсонации, что ведет большему доминированию и запугиванию жертв и в целом говорит о том, что у них размываются границы дозволенного. А помощники, напротив, избегают данные типы кибербуллинга, что говорит об их вероятных опасениях за наказания, которые они могут понести в будущем. Ведь если инициатор действует чаще анонимно – он чаще получает удовольствие от процесса и ему не важна публика, то

помощник открыт, ведь ему важно его признание другими, и он стремится к публичности.

4. Результаты исследования подчеркивают важность понимания социальных и психологических факторов в контексте кибербуллинга для разработки программ поддержки и профилактики среди подростков. По итогу была предложена следующая программа анти–кибербуллинг для возможного снижения факторов виктимизации подростков рассчитана на 2 уровня противодействия.

Индивидуальный уровень включает в себя:

1. Рекомендации для родителей, чьи дети стали жертвами и инициаторами кибербуллинга;

2. Рекомендации для снижения вероятности формирования виктимных черт личности у ребенка;

3. Индивидуальная психодиагностика и работа школьного психолога с детьми, вовлеченными в кибербуллинг (с учетом специфики и факторов виктимизации);

4. Социально–психологический тренинг для подростка, направленный на развитие коммуникативной толерантности, снижение тревожности и формирование навыков конструктивного взаимодействия.

Общий уровень противодействия кибербуллингу включает в себя:

1. Рекомендации для педагогов по организации мер противодействия кибербуллингу в образовательной среде;

2. Внедрение анти–кибербуллинговых программ, которые включают обучение учащихся правилам безопасного поведения в интернете и способам защиты от агрессии;

3. Организация мероприятий, способствующих развитию толерантности и навыков конструктивного общения;

4. Установка четких процедур для быстрого реагирования на инциденты кибербуллинга, включая информирование родителей и привлечение школьного психолога;

5. Проведение родительских собраний для информирования о факторах, способствующих виктимизации подростков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен кибербуллинга и его последствия становятся все более актуальными как в зарубежной, так и в российской научной среде. Особое внимание в изучении данного явления со стороны исследователей уделяется группе подростков, которая является наиболее активной группой пользователей интернета и, следовательно, чаще подвергается различным онлайн-рискам, включая кибербуллинг. Теоретический анализ существующей литературы свидетельствует о том, что уникальные характеристики феномена кибербуллинга позволяют этому явлению влиять на развитие личности подростка, его состояние и действие в долгосрочной перспективе как на подростка в качестве индивида, так и на общество в целом. Кибербуллинг, как явление, возникло на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, что способствовало его распространению в конце 1990-х – начале 2000-х годов в таких странах, как США и Великобритания. В России исследования кибербуллинга начали активно развиваться только в последние пять лет, что подтверждается увеличением числа публикаций по данной теме, а также развитию методик для более детального изучения феномена.

Что касается нашего исследования, то цель, поставленная перед нами, а именно изучение ролевого поведения подростков и выявление социально-психологических факторов, обуславливающих выбор определенной роли в ситуации кибербуллинга, достигнута.

Наше эмпирическое исследование выявило, что кибербуллинг весьма распространен среди подростков, в различных формах. Подростки могут занимать различные роли в ситуациях кибербуллинга, включая не только роли жертвы, агрессора (инициатора) и наблюдателя, но и защитника и последователя агрессора (помощника инициатора). Наибольшую опасность представляют собой, безусловно инициаторы как организаторы процесса кибербуллинга, и их помощники, которые являются непосредственными

исполнителями агрессивных действий. Агрессоры склонны наиболее часто применять импульсивно–ответный тип кибербуллинга, который предполагает действия, основанные на ярости, негативных эмоциональных эффектах, вызванные поведением партнера по интернет–коммуникациям, возможно даже состояние аффекта, когда границы дозволенного начинают стираться. А условия анонимности и вероятность неполучения наказания, а также тот факт, что агрессор не видит свою жертву и, следовательно, абсолютно не понимает его переживания только усугубляет данный аспект.

Также было выявлено, что кибербуллинг инициаторами осуществляется преимущественно, в формате секстинга и имперсонации, что ведет большему доминированию и запугиванию жертв, порождает чувство стыда. Это омрачается тем, что тот, против кого направлена агрессия, испытывая стыд за себя, часто скрывает, что стал жертвой кибербуллинга. И вскрывается данная ситуация, когда как в психологическом, так и в социальном направлениях имеются уже высоко рисковые, а порой даже необратимые последствия для формирования личности подростка. Помощник же избегает данные форматы. Причина в том, что зачастую инициатор поступает так из желания получить удовольствие от процесса, а помощник для самоутверждения. Таким образом инициатор предпочитает действовать в условиях анонимности, а помощник в условиях публичности – ведь его цель – самоутверждение и погоня за авторитетом. И помощники отлично понимают, какие последствия могут быть за крайние формы агрессии в случае вскрытия факта преследования. Также, вероятно, помощники имеют больший уровень эмпатии, что не дает им по сути морально уничтожить жертву, в связи с чем и избегают их.

Говоря о стиле воспитания родителей (матерей), то было выявлено, что инициаторы имеют более требовательных, согласно их ответам, матерей, а также более контролирующих. Что может свидетельствовать о том, что проявление этих аспектов может, вероятно, проходить в строгой манере с элементами насилия (как эмоционального, так и физического). При этом помощники имеют более низкий уровень принятия родителем. Вероятно, по

причине того, что они не имеют эмоциональную связь с матерью, они компенсируют это поиском авторитетной для них личности – инициатора, и примыкая к ним получают то, что не достает им в семье.

В результатах исследования самооценки также выявлено, что инициаторы имеют высокий уровень уверенности, при этом авторитет у сверстников и внешность оценивают низко. Поэтому и прибегают к участию в киберагрессивных действиях. Это может восприниматься как способ завоевания статуса и одобрения со стороны группы, создает у подростков ощущение значимости и уверенности в своих действиях, что и отражается на их самооценке с точки зрения привлекательности – как компенсация недостатка во внешности. Помощники же напротив оценивают свой характер крайне низко, что и ведет его в агрессивные действия. В первую очередь для самоутверждения и присоединения к более сильному союзнику – инициатору. И, конечно, начиная сравнивать себя с зачинщиком, помощник оценивает себя крайне неудовлетворительно.

Показатели высокого авторитета выявлены у защитников, так как они занимают активную позицию в своей социальной группе, что позволяет им выстраивать положительные отношения с другими подростками. Когда они выступают на стороне жертв и защищают их, это может укреплять их статус среди сверстников. Их действия могут восприниматься как проявление смелости и справедливости, что также способствует росту их авторитета.

Как показывают различные исследования, жертвы киберагрессии часто имеют низкую самооценку и наше исследование также демонстрирует данный факт. Это может быть связано с постоянным критическим отношением со стороны окружающих, а также с внутренними убеждениями о своей недостаточности. Низкая самооценка может порождать чувство неуверенности, слабохарактерность и страх перед общением с другими, что делает подростков менее авторитетными в глазах сверстников. К тому же жертвы стараются эмоционально дистанцироваться от своих обидчиков, убегают от импульсивных реакций во внутренние переживания.

В результате проведенного исследования был проанализирован феномен кибербуллинга и действия подростков на ситуации киберагрессии с точки зрения их индивидуально сложившейся социально–психологической роли. Далее на основании полученных в исследовании результатов нами была создана социально–психологическая программа анти–кибербуллинг для возможного снижения факторов виктимизации подростков как для индивидуального уровня, где большее внимание уделяется работе со стороны родителей, так и для общего уровня, где ответственность за внедрение мероприятий на стороне образовательного учреждения. Мы подробнее остановимся на общем уровне и здесь рекомендации предназначены специалистам, работающим в образовательных учреждениях: педагогам–психологам, социальным работникам, преподавателям. На уровне образовательного учреждения необходимо внедрить:

1. Обучение и информирование.

- Регулярные занятия по интернет–грамотности помогут учащимся осознать опасности киберпространства и научат их безопасному поведению в сети. Важно включать темы о кибербуллинге, его признаках и последствиях.

- Создание информационных материалов: Разработка буклетов или онлайн–ресурсов с рекомендациями по безопасному поведению в интернете может быть полезной для учащихся и их родителей.

- Создание политики безопасной среды: Установление четкой политики противодействия буллингу, включая кибербуллинг, поможет создать атмосферу, в которой учащиеся будут чувствовать себя защищенными. Также необходимо поощрять открытую коммуникацию: Учителя должны поощрять учащихся сообщать о случаях кибербуллинга. Важно, чтобы ученики знали, что их голос будет услышан и поддержан.

2. Системные реакция на инциденты.

- Системное реагирование: необходимо разработать алгоритмы действий для педагогов в случае выявления кибербуллинга.

- Поддержка жертв: Педагоги должны быть готовы оказать психологическую поддержку пострадавшим от кибербуллинга, помогая им справиться с последствиями и восстанавливая их уверенность.

3. Вовлечение родителей.

- Обучение родителей: Проведение семинаров для родителей по вопросам кибербуллинга и безопасного использования интернета поможет создать единый фронт против этой проблемы. Родители должны знать, как поддерживать своих детей и какие меры предпринимать в случае инцидентов.

- Совместные мероприятия: Организация совместных мероприятий для родителей и детей может способствовать лучшему пониманию проблемы и созданию доверительных отношений между всеми участниками образовательного процесса.

- Проведения собраний для информирования о факторах, способствующих виктимизации подростков.

4. Использование технологий.

- Инструменты мониторинга: Внедрение технологий для мониторинга активности учащихся в интернете может помочь выявить случаи кибербуллинга на ранних стадиях. Это должно быть сделано с соблюдением этических норм и прав учащихся.

- Платформы для анонимного сообщения: Создание анонимных каналов для сообщений о случаях кибербуллинга позволит учащимся сообщать о проблемах без страха мести.

5. Тренинговые программы социально–психологической направленности для подростков, с целью развития коммуникативной толерантности, снижение тревожности и формирование навыка конструктивной коммуникации.

Эти рекомендации помогут педагогам эффективно противодействовать кибербуллингу в образовательной среде, создавая более безопасное и поддерживающее пространство для всех учащихся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин С. М., Анохина Н. Ф. Травля учителя – симптом неблагополучия // Народное образование. № 4, 2015. – 209–212 с.
2. Антипина С.С. Опросник Типология киберагрессии (Cyber–Aggression Typology Questionnaire, SATQ) предназначен для изучения феномена киберагрессии среди подростков через их мотивационные цели и способность к поведенческому самоконтролю. 2021. URL: <https://psytests.org/cyber/cybatq.html> – Текст: электронный
3. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды / И. А. Баева, Е.Н. Волкова, Е.Б. Лактионова. – М.: Экон–Информ, 2009. – 247 с.
4. Бакальчук В. «Каждый второй подросток заявил об агрессии в школе.» – РБК, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2019/5db06c549a794759933165b2> – Текст: электронный
5. Баранов А. А. Кибербуллинг – новая форма угрозы безопасности личности подростка/А. А. Баранов, С. В. Рожина//Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 11, 2015. – 62–66 с.
6. Баранов А.А., Рожина С.В. Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга // CyberPsychology Journal. 2018 – 22–24 с.
7. Белоусов А. О., Крайнева С. В., Шефер О. Р. Цифровая культура педагога: борьба с кибербуллингом в онлайн–среде // Педагогическое образование в России. № 2, 2024. – С. 18–25 с.
8. Бобровникова Н. С. Типология жертв буллинга и кибербуллинга / Н. С. Бобровникова // Международный научно–исследовательский журнал. № 12(138), 2023. – 27–33с.
9. Бородина В.Н. Роль детско–родительских отношений в возникновении кибербуллинга // МНКО. №1 (98), 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-detsko-roditelskih-otnosheniy-v-vozniknovenii-kiberbullinga> – Текст: электронный.

10. Бородина В.Н., Петимко А.И. Кибербуллинг среди подростков в образовательной среде как предмет исследования // МНКО. №6 (91), 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-sredi-podrostkov-v-obrazovatelnoy-srede-kak-predmet-issledovaniya> – Текст: электронный.
11. Бочавер А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Журнал Высшей школы экономики. № 3, 2014. – 177–191 с.
12. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен. –Психология: журнал Высшей школы экономики, 2013, т. 10, № 3 – 149–159 с.
13. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. № 3, 2013. – 149–159 с.
14. Братусин А. Р. О значении профилактики буллинга, моббинга и кибербуллинга в контексте повышения уровня цифровой грамотности молодежи: педагогический аспект // Проблемы современного педагогического образования. № 67–4, 2020. – 55–58 с.
15. Венгер, А. Л. (ред.). Психология развития. Словарь. / Москва: Издательство Речь, 2006 г. – 165–170 с.
16. Волкова Е.Н. Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения / Е.Н. Волкова. – СПб.: ООО «Книжный Дом». 2011. – 384 с.
17. Волкова Е.Н. Обзор зарубежных исследований по кибербуллингу среди подростков и молодежи. CyberPsychology Journal, 2018 – 15–18 с.
18. Выготский Л.С. Проблема возраста / под ред. Эльконина Д.Б. – М.: Педагогика. – 1984. – 432 с.
19. Газизьянов Т.А., Мансурова З.Р. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. № 4 (16), 2023. – 89–92 с.
20. Горская Ю. М. Особенности развития личности в подростковом возрасте / Ю. М. Горская. –Молодой ученый. № 43, 2020. – 71–73 с.

21. Гребенникова О.А., Добролюбова М.И. Буллинг в образовательной среде как угроза здоровью школьников // Концепт, №S9, 2017 – 32–36с.
22. Гришина Т.Г. Виктимизация подростков в травле и ее взаимосвязь с семейными факторами // Национальное здоровье. № 4, 2019. – 79–88 с.
23. Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Максименко А. А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. № 5 (47), 2020. –273–292 с.
24. Дозорцева Е. Г. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков / Е. Г. Дозорцева, Д. В. Кирюхина // Прикладная юридическая психология. № 1(50), 2020. – 80–87 с.
25. Екимова В.И. Жертвы и обидчики в ситуации буллинга: кто они? / В.И. Екимова, А.М. Залалдинова // Современная зарубежная психология. №4, 2015. – 5–10 с.
26. Ефимова Е.С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред / Е.С. Ефимова // Успехи в химии и химической технологии. № 7, 2014. – 65–66 с.
27. Зинцова А. С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-profilaktika-kiberbullinga> – Текст: электронный.
28. Иванаевский Д. В. Кибербуллинг: проблема современных подростков / Д. В. Иванаевский // NovaUm.Ru. № 35, 2022 – 59–60 с.
29. Иванова А.К. Буллинг и кибербуллинг как явление образовательной среды: примеры современных исследований проблемы // Мир науки. Педагогика и психология. №5, 2018 – 18–21с.
30. Клюкина А.А. Кибербуллинг как результат виктимного поведения в условиях социальных сетей / А.А. Клюкина // Студент и наука (гуманитарный цикл), 2019 – 957–961 с.
31. Конюхова, В. С. Кибербуллинг как форма деструктивного поведения в виртуальной среде / В. С. Конюхова // Юридическая лингвистика в

образовательных организациях системы МВД: проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно–практической конференции, Омск, 23 марта 2023 года. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – 119–121 с.

32. Лучинкина А.И. Психологический анализ отклонений в процессе интернет–социализации личности / А.И.Лучинкина // Гуманитарные науки. № 1 (33), 2016. – 54–62 с.

33. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна, Э. Миллера. – СПб.: Питер, 2001. – 64–71 с.

34. Макарова Е.А. Буллинг как психологическое явление, изучаемое в рамках виктимологии / Е.А. Макарова // Вестник ТИУиЭ. №1, 2018. – 72–75 с.

35. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет–преступления // Российский психологический журнал. №3, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-kiberbullinga-kak-formy-internet-prestupleniya> – Текст: электронный.

36. Малкина–Пых И.Г. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина–Пых. – М.: ЭКСМО, 2006. – 231 с.

37. Марковская И. М. Методика Взаимодействие родитель–ребенок, 1988. URL: <https://psytests.org/parent/vrrr2s.html> – Текст: электронный.

38. Медведева Д.А. Психолого–педагогические основы буллинга как социального явления // Социально–гуманитарные знания. №12, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-osnovy-bullinga-kak-sotsialnogo-yavleniya> – Текст: электронный.

39. Моисеева А.И. О международном опыте преодоления буллинга // Обзор.НЦПТИ. №4, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-mezhdunarodnom-opyte-preodoleniya-bullinga-1> – Текст: электронный

40. Момотова А. Н. Проблемы кибербуллинга в социальных сетях / А. Н. Момотова, А. П. Федосеева // VIII Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве: осмысление

свободы и ответственности молодежи: Материалы Всероссийской научной конференции, Тара, 05 апреля 2019 года / Ответственный редактор О.Р. Каюмов. – Тара: Амфора, 2019. – 153–155 с.

41. Морковцев М. С. Кибербуллинг в компьютерных играх / М. С. Морковцев, Е. Ю. Николаева. – Юный ученый. № 3 (66), 2023. – 317–319 с.

42. Назаров В.Л., Авербух Н.В., Буйначева А.В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // Образование и наука. №2, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bulling-i-kiberbulling-v-sovremennoy-shkole> – Текст: электронный.

43. Найденова Л. А. Кибербуллинг: опасное виртуальное "быкование" // Материалы на портале медиаграмотность. URL: <http://psyfactor.org/lib/cyber-bullying> – Текст: электронный.

44. Нестеренко Е. Н. Кибербуллинг в контексте проблемы интернет-аддикций в подростково-молодежной среде: понятие, причинность, возможности профилактики / Е. Н. Нестеренко, Е. В. Петрова // Инновации в диагностике и лечении пациентов с неврологическими заболеваниями: от науки к практике: материалы II межрегион. науч.–практ. конф., 2019. – 60–66 с.

45. Никешин Д. Е. К вопросу о школьном кибербуллинге / Д. Е. Никешин. – Молодой ученый. № 12 (302), 2020. – 240–242 с.

46. Никешин Д. Е. Кибервиктимность и кибербуллинг / Д. Е. Никешин. – Молодой ученый. № 18 (308), 2020. – 403–404 с.

47. Норкина Е.Г. Опросник выявления буллинг-структуры, 2016. URL: <https://psytests.org/confl/bulling.html> – Текст: электронный

48. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебник. // Москва: Российское педагогическое агентство, 1996. – 28–34 с.

49. Осадчая А. В., Макарова Е. А. Кибер-буллинг как разновидность школьных издевательств и копинг-стратегии для его преодоления / А. В. Осадчая, Е. А. Макарова // Russian Journal of Education and Psychology. №. 8, 2018. – 88 – 104 с.

50. Парфентьев У.В. Кибер–агрессоры // Дети в информационном обществе. № 2, 2009. – 66–70 с.
51. Погодина Е. К. Профилактика кибербуллинга среди подростков в учреждениях общего среднего образования. № 11(359), 2021. – 51–56 с.
52. Прихожан А.М. Методика Дембо–Рубинштейн, модификация. 1988. URL: <https://psytests.org/trait/demborp.html> – Текст: электронный
53. Психологическая безопасность личности: учебник и практикум для вузов / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перелыгина. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 222 с.
54. Путинцева А.В. Развитие феномена «Кибербуллинг»: анализ подходов к определению. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-fenomena-kiberbulling-analiz-podhodov-k-opredeleniyu> – Текст: электронный.
55. Пэтчин Д., Хиндуя С. Написанное остается. Как сделать интернет–общение безопасным и комфортным. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2020.
56. РБК. 57% российских пользователей социальных сетей сталкивались с кибербуллингом. РБК Life, 2023. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168?ysclid=m2djv4x3vc45500372> – Текст: электронный.
57. Русакова М. Исследование показало, для чего подростки чаще всего используют интернет. РИА Новости, 29.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221129/internet-1835047567.html> – Текст: электронный.
58. Саенко А. В. Влияние кибербуллинга на формирование личности подростка / А. В. Саенко // Ratio et Natura. № 1(7), 2023. – 12–15с.
59. Серна Х.М. Когда буллер атакует в сети. – Москва: Tektime, 2021. – 68–81 с.
60. Скрынникова Н.В., Игнатович В.К. Генезис представлений о социально–психологической адаптации в младшем подростковом возрасте // Педагогика: история, перспективы. №3, 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-predstavleniy-o-sotsialno->

psihologicheskoy-adaptatsii-v-mladshem-podrostkovom-vozhraсте – Текст: электронный.

61. Солдатова Г. У. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учебно-методическое пособие /– М.: Когито-Центр, 2019. – 176 с.

62. Стукало И. С. Определение понятия кибербуллинга на основании исследований зарубежных и отечественных ученых / И. С. Стукало. – Молодой ученый. № 2 (292), 2020. – 218–220 с.

63. Тиркашева Г.М. Кибербуллинг среди детей: понятие, современные формы и защитные механизмы // ORIENSS. №5, 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-sredi-detey-ponyatie-sovremennye-formy-i-zaschitnye-mehanizmy> – Текст: электронный.

64. Титов А. В. Кибербуллинг – новая угроза XXI века / А. В. Титов, С. А. Солодовченко // Воспитание в контексте социализации: современные вызовы и практики: Материалы открытой региональной конференции Всероссийского научно-практического форума, Воронеж, 17 апреля 2019 года / Под редакцией М.В. Шакуровой. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. – 422–425 с.

65. Трунина С. В. Причины и особенности проявления киберагрессии в подростковом возрасте / С. В. Трунина. – Молодой ученый. – № 1 (500), 2024. – 129–131 с.

66. Федоритенко А. И. Психологические особенности молодых людей, подвергавшихся кибербуллингу // Психология XXI века: Психологическое сопровождение образовательного процесса и педагогической деятельности: Материалы XIX Международной научно-практической конференции – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2024. – 176–180 с.

67. Фельдштейн Д.И. Проблемы формирования личности растущего человека на новом историческом этапе развития общества // Образование и наука. №9, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya>

lichnosti–rastuschego–cheloveka–na–novom–istoricheskom–etape–razvitiya–obschestva – Текст: электронный.

68. Харитонов А. О., Викторова А. С., Тазетдинова А. А. Феномен кибербуллинга как угроза негативного влияния на детей школьного возраста // Новая наука и формирование интегративно–целостного мышления: сборник статей. Казань, 2017. – 235–241 с.

69. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков. Психология и право. № 2, 2019. – 276 – 295 с.

70. Холодякова Д. И. Кибербуллинг как правонарушение XXI века // Молодой ученый. № 48(390), 2021. – 371–373 с.

71. Хрусталева А. А. Кибербуллинг: профилактика и меры борьбы в цифровую эпоху / А. А. Хрусталева, Б. А. Горбатова. – Молодой ученый. № 23 (522), 2024. – 306–307 с.

72. Черкасенко О. С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. № 6, 2015. – 52–54 с.

73. Четверткова А.В. Качества личности современного подростка. Психологический портрет // Человек в мире культуры. №2, 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestva-lichnosti-sovremennogo-podrostka-psihologicheskiiy-portret> – Текст: электронный.

74. Шаров А.А. Опросник киберагрессии, 2020. URL: <https://psytests.org/cyber/cyba.html> – Текст: электронный.

75. Шинкевич Т. В. Ролевая структура кибербуллинга в подростковой среде // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сборник научных статей / Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – 346 с.

76. Щекина К. К. Правовые проблемы защиты несовершеннолетних от кибербуллинга / К. К. Щекина, Т. Н. Санатов. – Молодой ученый. № 52 (290), 2019. – 196–199 с.

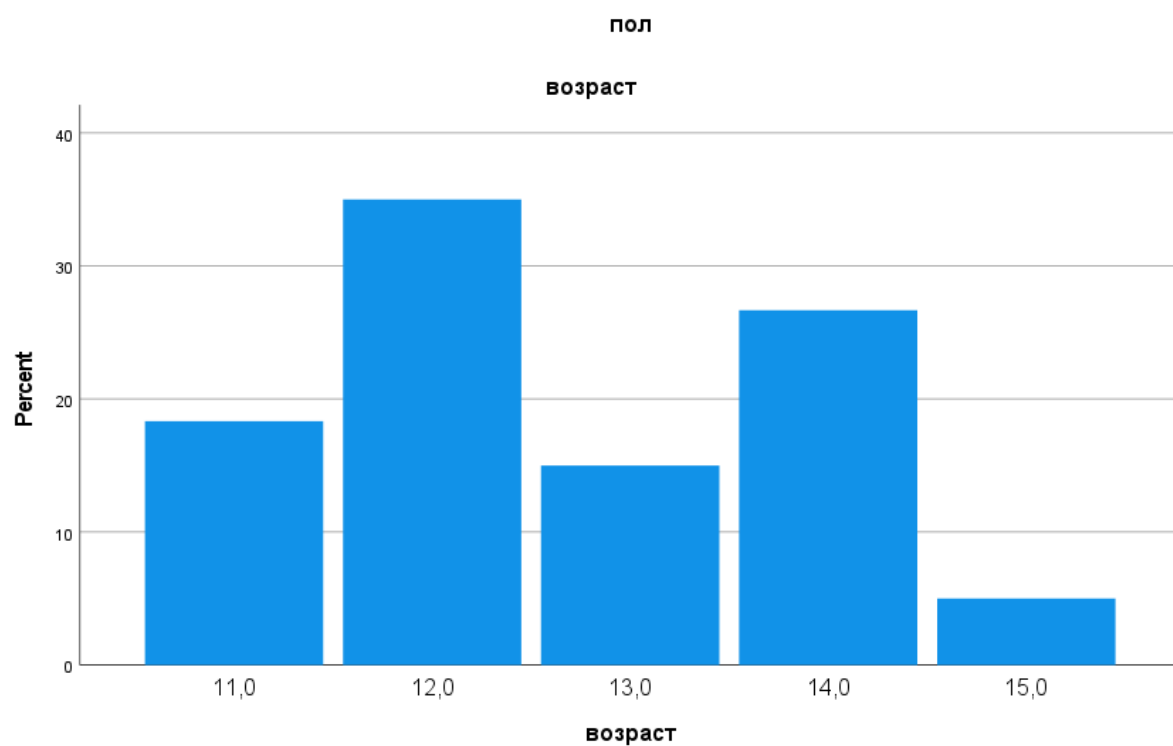
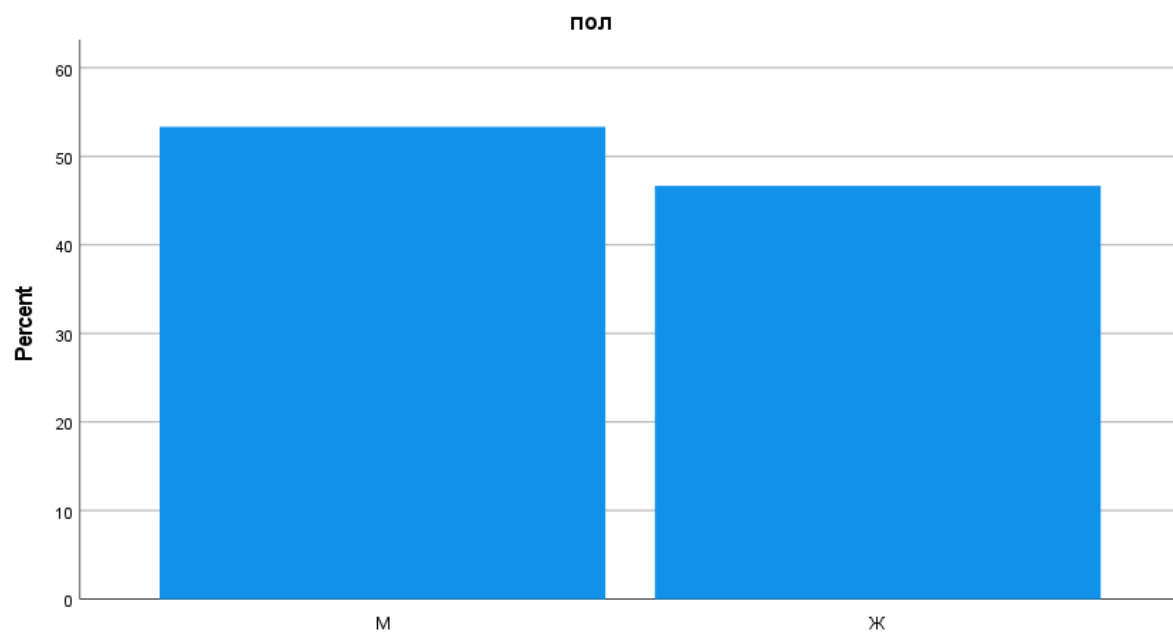
77. Juvonen J., Gross E. F. Extending the school grounds? Bullying experiences in cyberspace. / *Journal of school Health*, № 78 (9), 2008. – 496–505 pp.

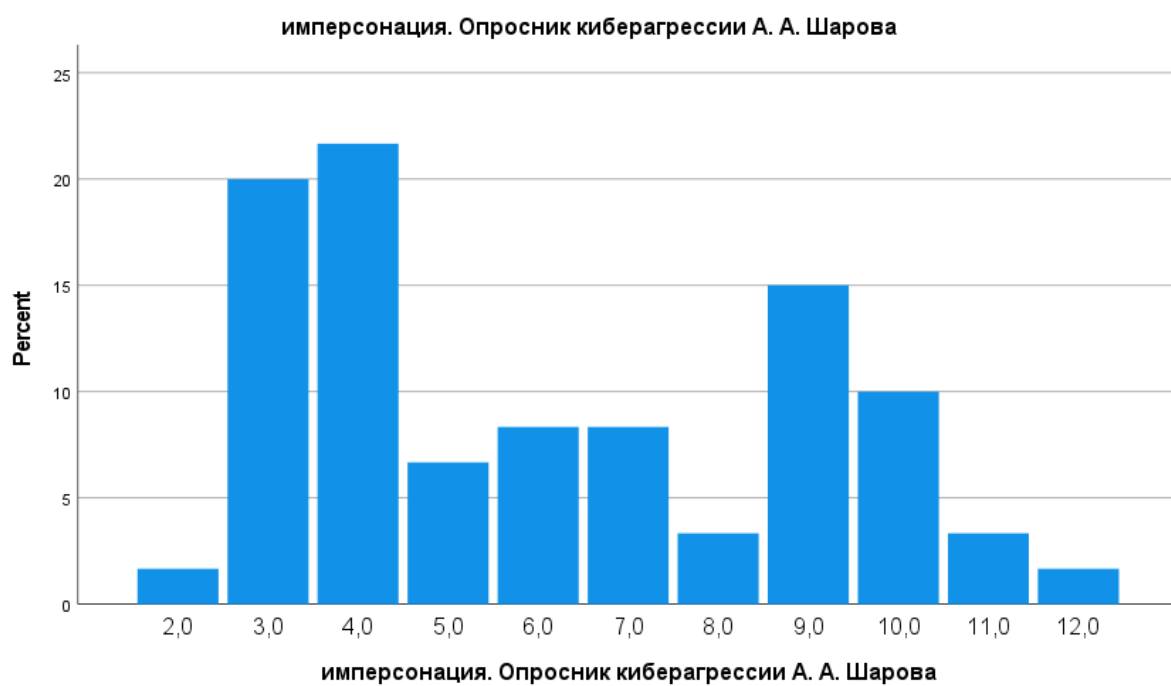
78. Kyriacou C., Zuin A. Cyberbullying of teachers by students on YouTube: challenging the image of teacher authority in the digital age. / *Res. Pap. Educ.* 1522 (October), 2015. – 1–19 pp.

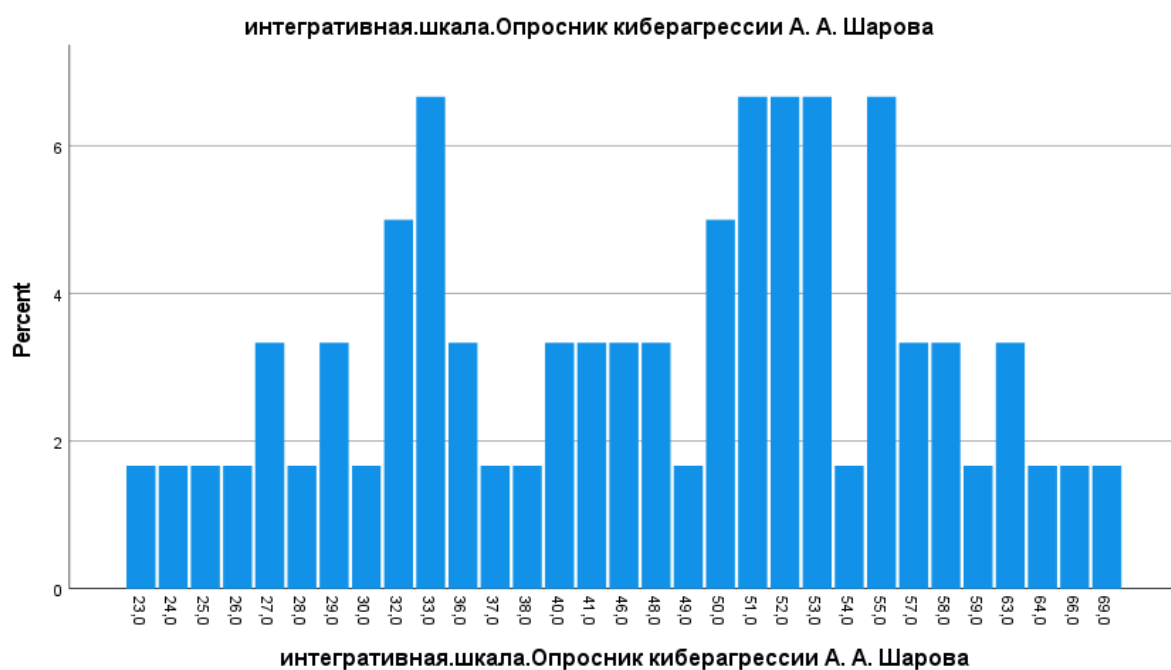
79. Patchin J.W., Hinduja S. Measuring cyberbullying: implications for research. / *Aggression and Violent Behavior*. № 23, 2015 – 69–74 pp.

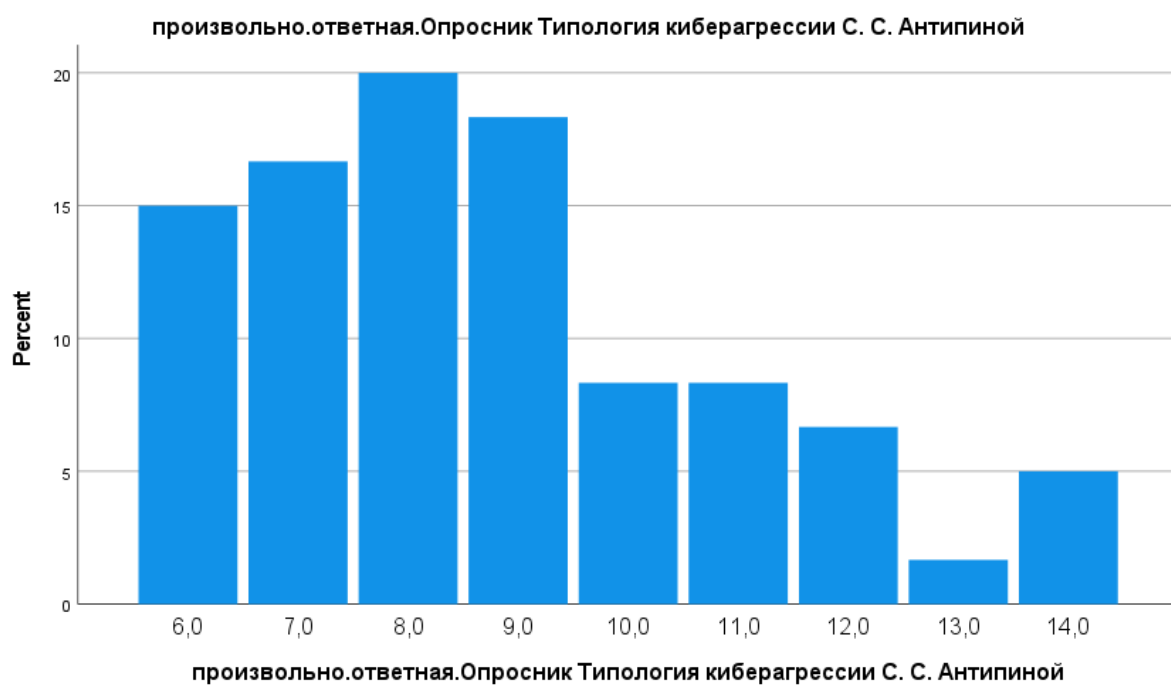
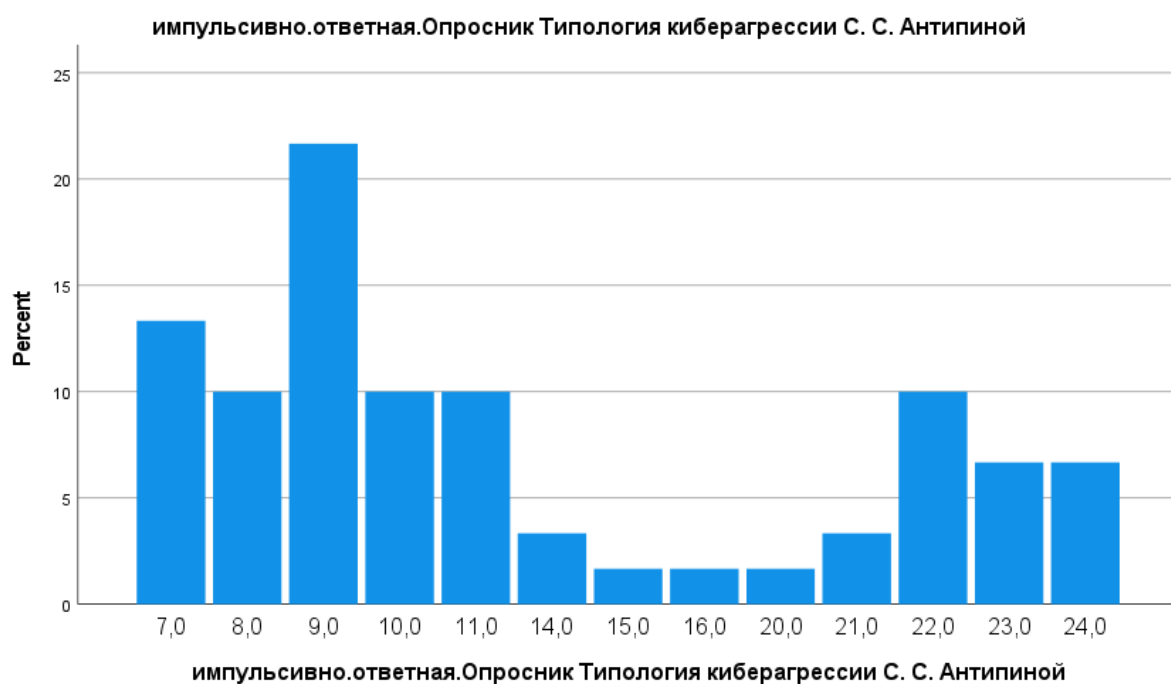
80. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. / *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, № 49 (4). 2008. –376–385 pp.

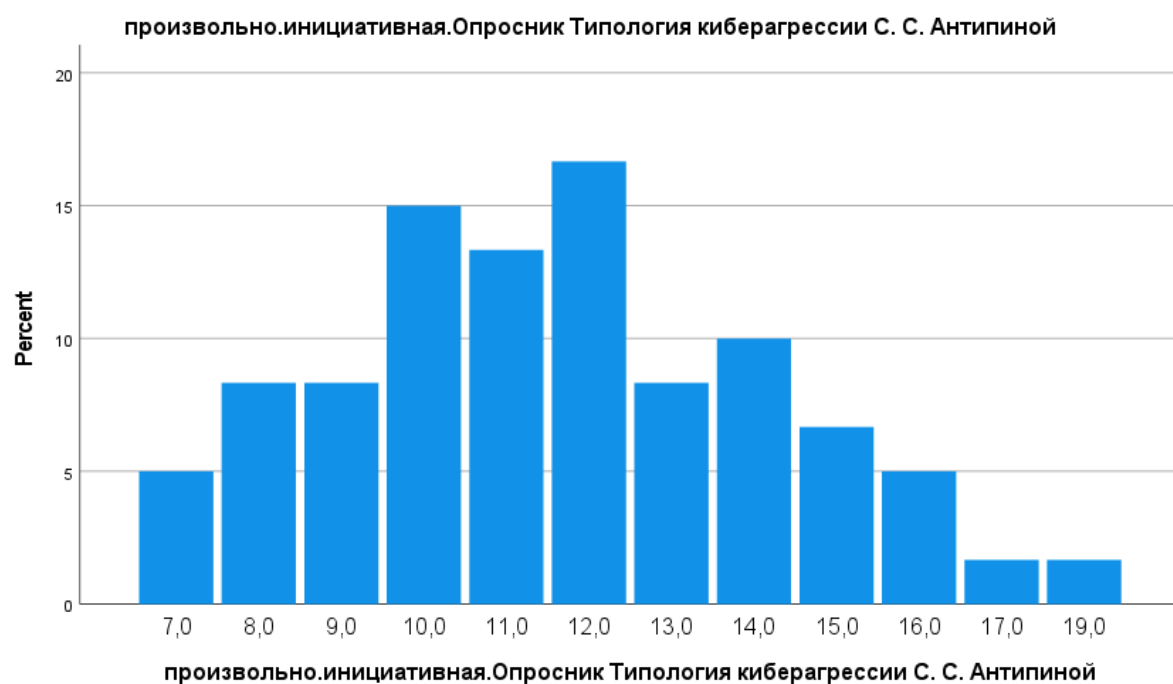
Вывод из статистической программы: частоты по исследуемым признакам

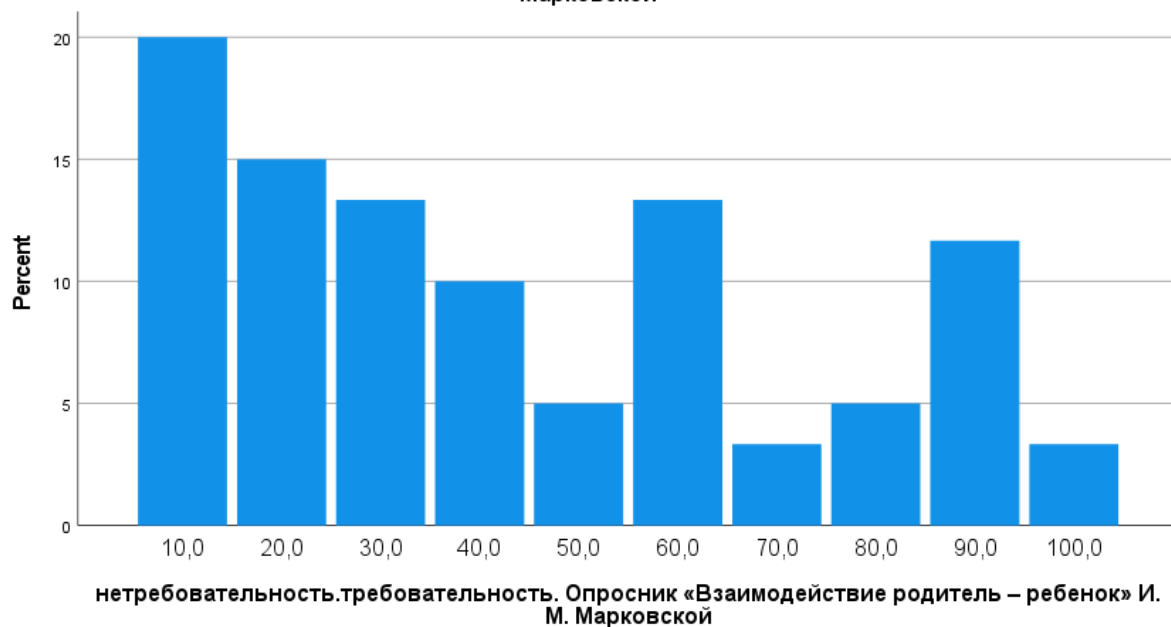

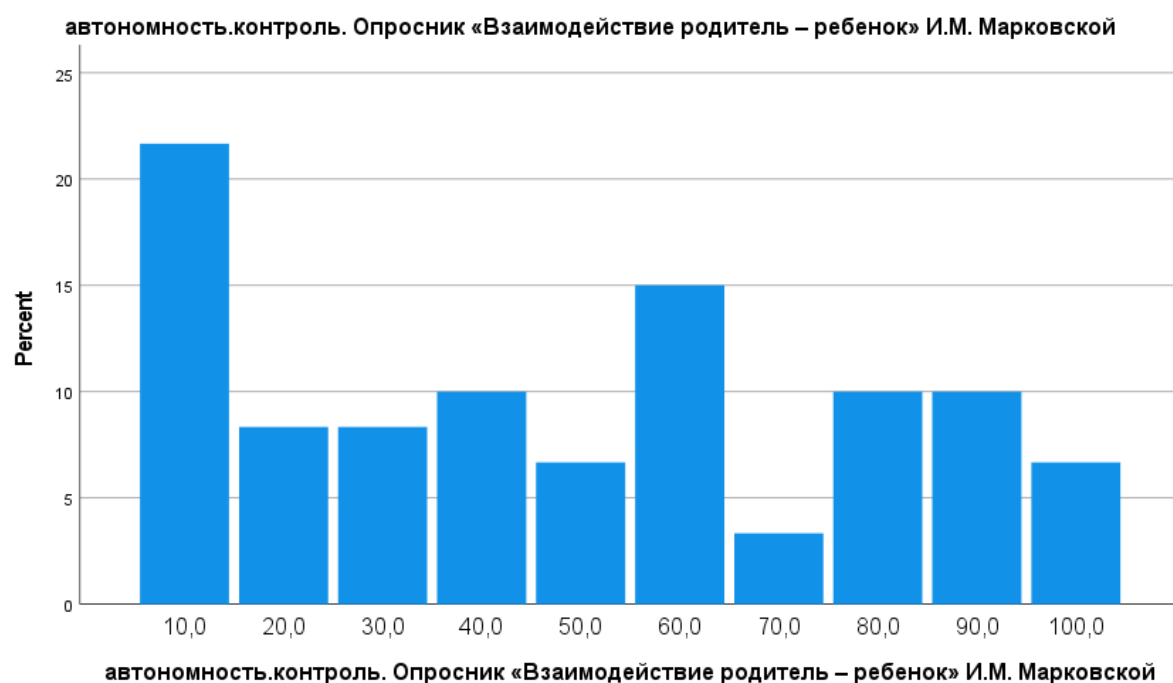

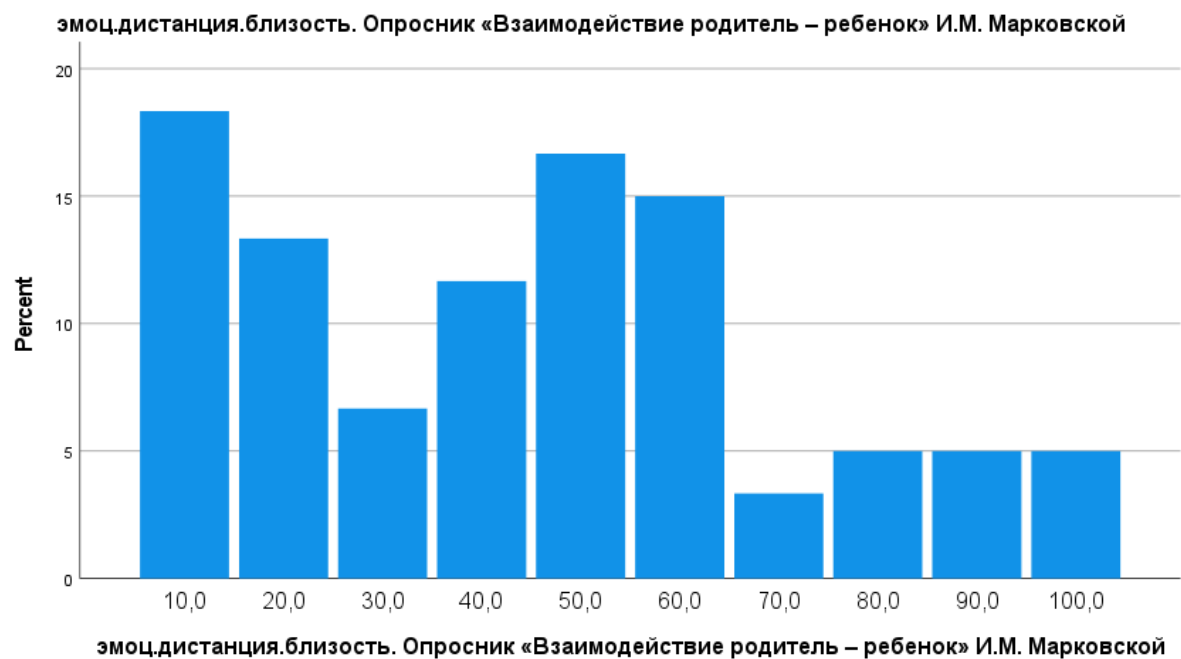
показатель (общий).проявления.киберагрессии. Опросник Типология киберагрессии С. С. Антипиной

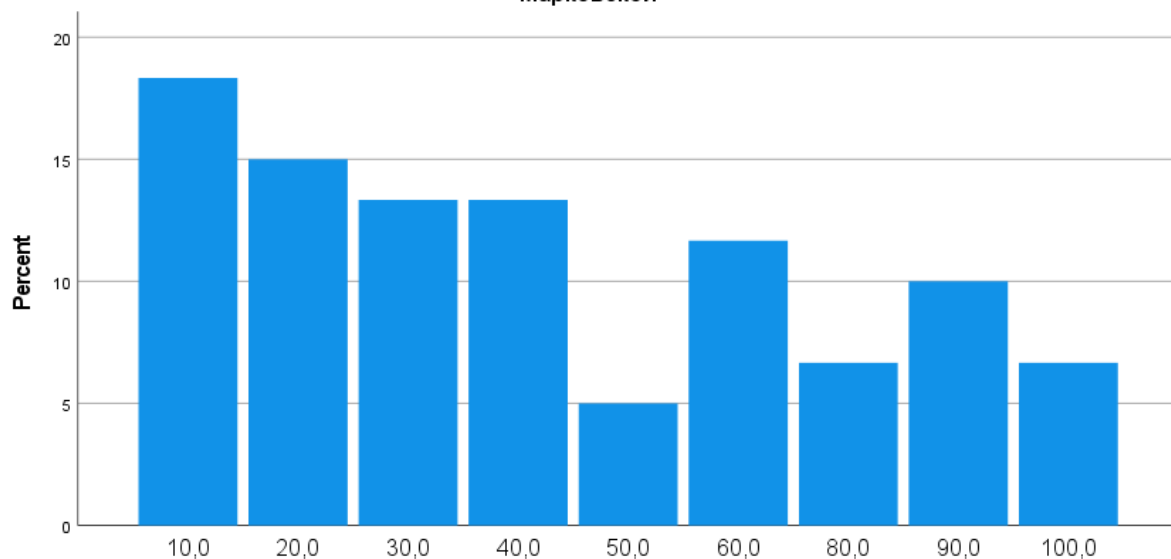
нетребовательность.требовательность. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

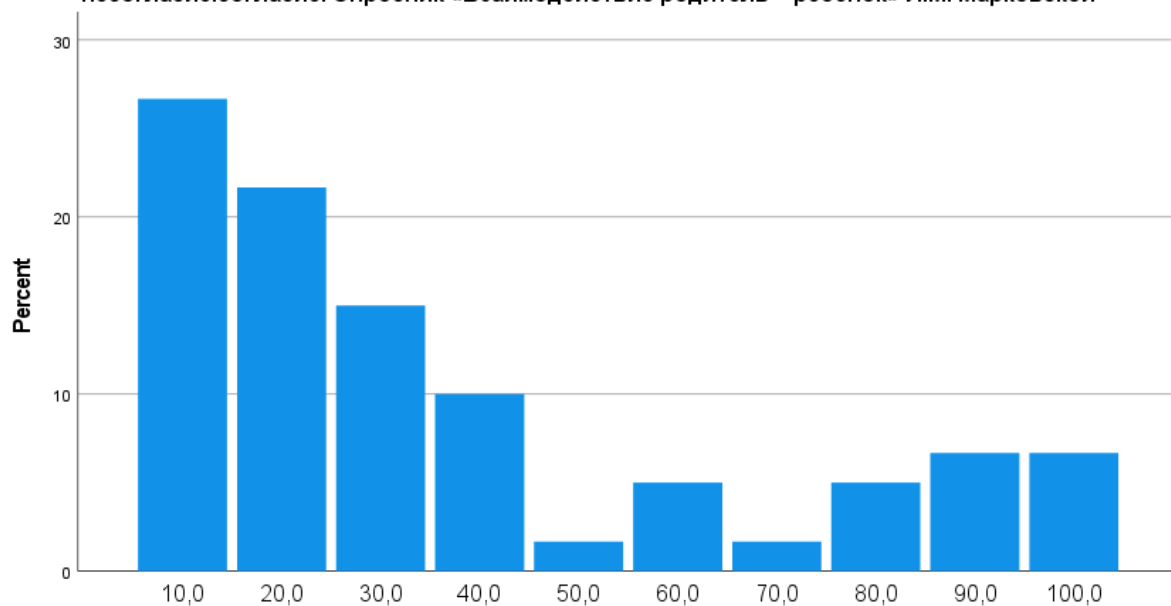

отсутствие.сотрудничества.сотрудничество. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

отсутствие.сотрудничества.сотрудничество. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

несогласие.согласие. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

несогласие.согласие. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

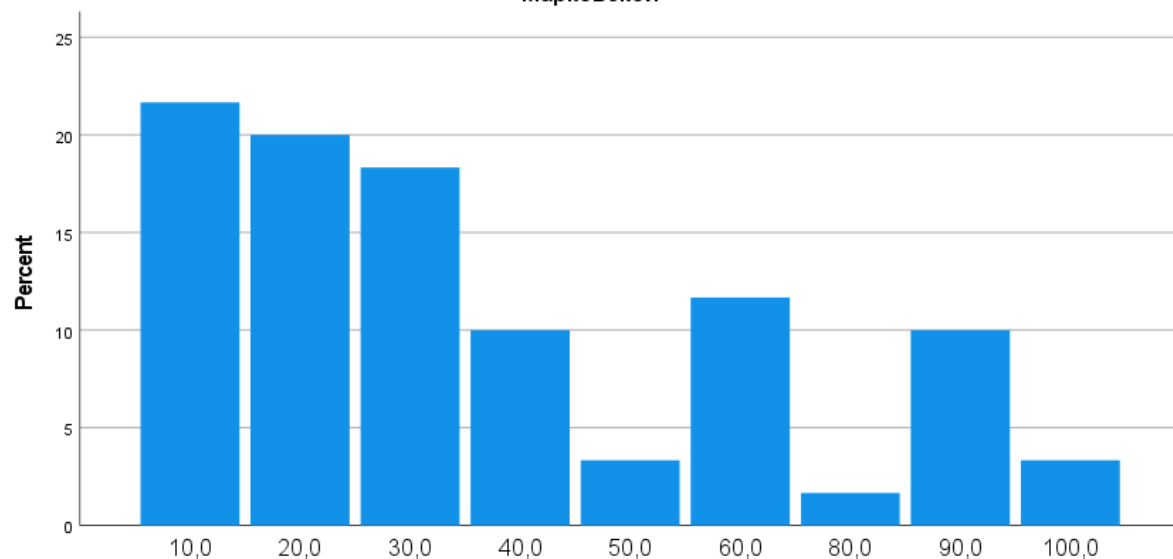
непоследовательность.последовательность. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

авторитетность.родителя. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

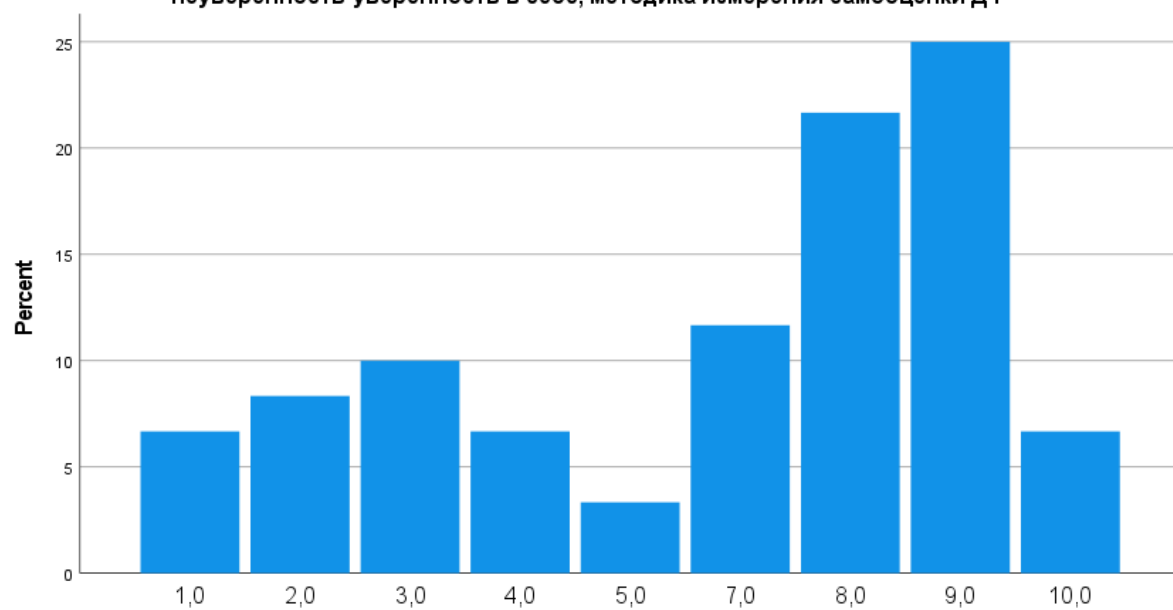

удовлетворительные.отношения.с.ребенком. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

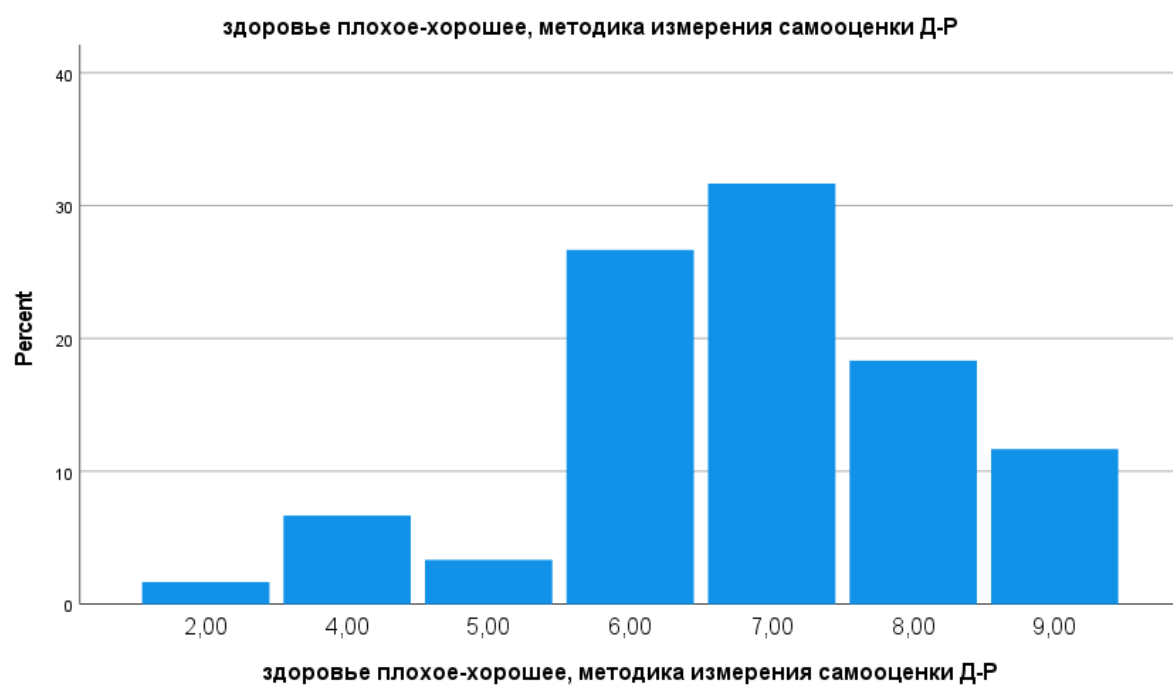
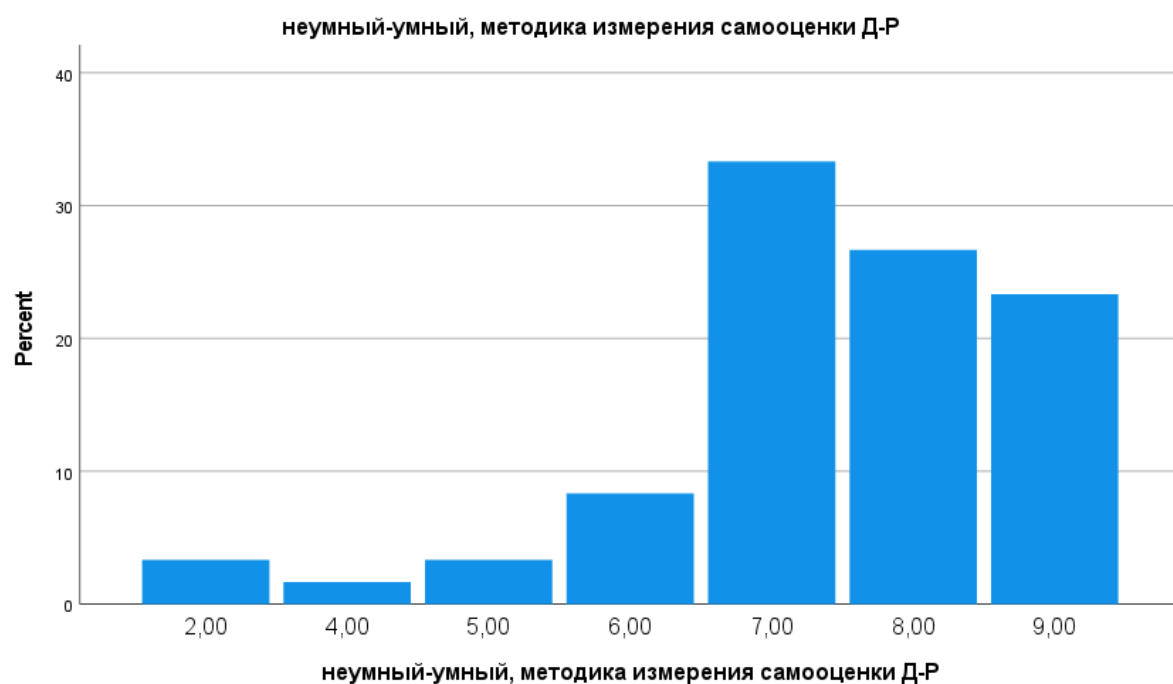

удовлетворительные.отношения.с.ребенком. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской

неуверенность-уверенность в себе, методика измерения самооценки Д-Р

неуверенность-уверенность в себе, методика измерения самооценки Д-Р

Вывод из статистической программы: статистика критерия Краскела-Уоллеса по сравниваемым признакам

Ранги			
M1_группа_роль	N	Средний ранг	
возраст	инициатор	24	21,60
	помощник	17	33,35
	защитник	9	40,28
	жертва	10	38,20
	Всего	60	
M2_секст инг	инициатор	24	26,75
	помощник	17	33,65
	защитник	9	35,33
	жертва	10	29,80
	Всего	60	
M2_импе рсонация	инициатор	24	36,06
	помощник	17	19,18
	защитник	9	21,61
	жертва	10	44,40
	Всего	60	
M2_верба льно.визу альная	инициатор	24	21,38
	помощник	17	45,97
	защитник	9	45,06
	жертва	10	13,00
	Всего	60	
M2_интег ративная. шкала	инициатор	24	23,04
	помощник	17	43,18
	защитник	9	45,44
	жертва	10	13,40
	Всего	60	
M3_импул ьсивно.от ветная	инициатор	24	26,79
	помощник	17	35,41
	защитник	9	40,17
	жертва	10	22,35
	Всего	60	
M3_произ вольно.от ветная	инициатор	24	32,33
	помощник	17	28,94
	защитник	9	21,94
	жертва	10	36,45
	Всего	60	
M3_произ вольно.ин ициативн ая	инициатор	24	28,54
	помощник	17	30,56
	защитник	9	30,44
	жертва	10	35,15
	Всего	60	

М3_импульсивно.инициативная	инициатор	24	24,31
	помощник	17	42,85
	защитник	9	42,89
	жертва	10	13,20
	Всего	60	
М3_показатель.киберагрегации	инициатор	24	26,19
	помощник	17	38,71
	защитник	9	40,00
	жертва	10	18,35
	Всего	60	
М4_требовательность	инициатор	24	36,60
	помощник	17	21,35
	защитник	9	25,44
	жертва	10	35,95
	Всего	60	
М4_строгость	инициатор	24	26,50
	помощник	17	39,41
	защитник	9	23,89
	жертва	10	30,90
	Всего	60	
М4_контроль	инициатор	24	36,40
	помощник	17	25,59
	защитник	9	18,89
	жертва	10	35,15
	Всего	60	
М4_близость	инициатор	24	24,50
	помощник	17	36,18
	защитник	9	38,44
	жертва	10	28,10
	Всего	60	
М4_принятие	инициатор	24	31,75
	помощник	17	30,53
	защитник	9	26,83
	жертва	10	30,75
	Всего	60	
М4_сотрудничество	инициатор	24	30,58
	помощник	17	35,47
	защитник	9	26,78
	жертва	10	25,20
	Всего	60	
М4_согласие	инициатор	24	32,15
	помощник	17	26,88
	защитник	9	36,50
	жертва	10	27,30
	Всего	60	
М4_последовательность	инициатор	24	34,63
	помощник	17	28,82
	защитник	9	27,56
	жертва	10	26,10
	Всего	60	

М4_авторитетность	инициатор	24	24,58
	помощник	17	35,24
	защитник	9	37,94
	жертва	10	29,95
	Всего	60	
неудовлетворительные.отношения	инициатор	24	26,00
	помощник	17	33,35
	защитник	9	39,00
	жертва	10	28,80
	Всего	60	
уверенность в себе	инициатор	24	24,81
	помощник	17	44,29
	защитник	9	39,00
	жертва	10	13,05
	Всего	60	
ум, способности	инициатор	24	32,63
	помощник	17	27,62
	защитник	9	32,06
	жертва	10	28,90
	Всего	60	
М5_здоровье	инициатор	24	30,46
	помощник	17	34,21
	защитник	9	24,28
	жертва	10	29,90
	Всего	60	
М5_общительность	инициатор	24	26,04
	помощник	17	33,15
	защитник	9	34,39
	жертва	10	33,20
	Всего	60	
авторитету сверстников	инициатор	24	25,27
	помощник	17	41,21
	защитник	9	44,83
	жертва	10	11,95
	Всего	60	
М5_характер	инициатор	24	27,90
	помощник	17	41,65
	защитник	9	39,67
	жертва	10	9,55
	Всего	60	
М5_внешность	инициатор	24	25,65
	помощник	17	36,68
	защитник	9	34,67
	жертва	10	27,90
	Всего	60	